

Священник Владимир Горидовец*

Изъятие ценностей у религиозных общин в Витебской губернии в 1922 году

Активное вмешательство советской власти в религиозную жизнь населения Витебской губернии началось осенью 1921 г., когда распоряжением Витебского губернского исполкома на отдел юстиции были возложены вопросы практической реализации декрета «Об отделении Церкви от государства»¹.

С 30 августа 1921 г. в Витебской губернии активно действовала губернская комиссия помощи голодающим (Витгубкомпомгол), которую возглавлял председатель исполнительного комитета Витебского губернского совета С. Н. Крылов. Первоначально сбор пожертвований был добровольным: проводились трехдневник, затем недельник и двухнедельник помощи голодающим, а с 1 января 1922 г. стал реализовываться принцип «десять сытых на одного голодающего». Однако агитационная работа не принесла ощутимых результатов, и для крестьян, торговцев, кустарей и ремесленников был введен специальный налог: дополнительно 5% от установленного государством продналога. Это должно было дать не менее 200 тыс. пудов продовольствия, но по ряду причин план остался не выполненным². Возникла необходимость в поиске других путей выполнения плана. Одним из них стало изъятие ценностей у религиозных общин.

Зимой 1922 г., как видно из материалов работы пленума Витгубкомпомгола³, председатель комиссии Крылов вступил в личные переговоры с архиепископом Полоцким и Витебским Иннокентием (Ястребовым) по поводу организации сборов в пользу голодающих через приходы Полоцко-Витебской епархии. Затем было составлено официальное письмо Витгубкомпом-

* © Владимир Горидовец, свящ., 2012

Владимир Владимирович Горидовец, священник, кандидат богословия, член комиссии по канонизации святых в Белорусском экзархате.

Автор благодарит руководство Государственного архива Витебской области и УКГБ Республики Беларусь по Витебской области за помощь в подготовке данной статьи.

гола с этой просьбой в адрес епархии, архиепископ Иннокентий направил в приходы распоряжения о сборе пожертвований в пользу голодающих⁴, при витебском кафедральном Николаевском соборе была сформирована специальная комиссия для организации этой работы⁵. 11 февраля 1922 г. было опубликовано воззвание архиепископа Иннокентия к православным христианам, где он призывал не оставаться безучастными к горькой участи своих братьев по вере, по крови и по Отечеству, предлагал приносить посильные пожертвования деньгами, зерном, мукой, холстом соборному совету витебского кафедрального собора, откуда все собранное планировалось передавать голодающим⁶. 15 февраля Витгубкомпомгол разослал уездным исполкомам Витебской губернии циркулярную телеграмму, в которой предписывал оказывать всемерное содействие местному духовенству в оказании помощи голодающим, причем особо оговаривался механизм сбора пожертвований: через местное духовенство в адрес архиепископа Иннокентия, затем — по указанию Витгубкомпомгола⁷. Епархиальная комиссия по сбору пожертвований при витебском кафедральном Николаевском соборе предлагала конкретные формы помощи голодающим: на собранные в церковных приходах деньги должен был приобретаться хлеб⁸.

Согласно «Положению об участии Русской Православной Церкви в деле помощи голодающим», утвержденному президиумом ЦК Помгол, епархиальный архиерей получил право давать распоряжения по епархии (викарный архиерей — по уезду) о сборах в пользу голодающих. Члены приходского совета могли производить в церкви сбор средств для голодающих и сдавать собранные суммы на хранение старосте (заведующему хозяйственной частью). Приходской совет имел полномочия использовать и другие способы для получения пожертвований: обходить прихожан по домам с подписными листами, устраивать чтения, лекции, концерты и т. п. В конце месяца все собранные суммы через настоятеля должны были поступать благочинному, которому поручалось передавать их епархиальному (уездному) архиерею. Затем пожертвования незамедлительно направлялись в местный комитет помощи голодающим с указанием пожеланий жертвователей⁹. Таким образом, практически вся деятельность православного духовенства по оказанию помощи голодающим Поволжья находилась под контролем губернских комиссий Помгола.

К началу апреля 1922 г. усилиями верующих Полоцко-Витебской епархии на нужды голодающих регионов России было собрано 27 пудов хлеба и 20 млн рублей. На заседании Витгубкомпомгола эта помощь была названа насмешкой, ради нее не стоило «огород городить». В итоге добровольный сбор пожертвований был признан недостаточной мерой, и Витгубкомпомгол принял решение изымать церковные ценности¹⁰, а в местной газете «Известия» опубликовать материалы о бездеятельности духовенства в деле помощи голодающим¹¹.

Решение Витгубкомпомгола об изъятии церковных ценностей строго соответствовало документам советской власти, опубликованным в феврале 1922 г. Постановление ВЦИК, вступившее в силу 26 февраля, дополняло

принятый ранее декрет об изъятии музейного имущества. Местным советам предписывалось в течение месяца изъять из пользования религиозных общин предметы из золота, серебра и драгоценных камней, отсутствие которых не отразится на совершении богослужений, передав их в распоряжение органов Наркомфина для ЦК Помгола. В каждой губернии необходимо было сформировать комиссию из представителей губисполкома, губпомгола и губфинотдела под председательством одного из членов ВЦИК. В состав комиссий по изъятию ценностей в обязательном порядке должны быть включены представители религиозной общины, в которой производилось изъятие. Каждая губернская комиссия по изъятию ценностей наделялась правом в недельный срок затребовать от местных советов заверенные копии описей и договоров с группами верующих. На основании этих документов должна была идти работа по изъятию ценностей, причем первоочередному, срочному изъятию подлежали ценности из наиболее богатых монастырей, храмов, часовен, синагог и т. п. Комиссия в назначенный день вызывала нескольких представителей религиозной общины с документами и описями на руках, в обязательном порядке должна была присутствовать дореволюционная приходская инвентарная книга. К изъятию ценностей в уездах предполагалось привлечь местные исполкомы в лице подкомиссии, состоящей из представителей уездного исполкома, финотдела и комитета помощи голодающим, т. е. задействовался уже существующий административный аппарат. В случае отсутствия вещи, указанной в описи, следовало составлять протокол и передавать его следственным органам. Представители групп верующих получали право вносить в протокол свои замечания и возражения по поводу изъятия предметов, без которых совершение богослужения невозможно. Местный отдел музеев получил полномочия изымать из собранных церковных предметов те, которые представляют художественную ценность. Изъятые ценности должны были передаваться уездными финотделами в губернский финотдел и далее, через местную комиссию по учету, изъятию и сосредоточению ценностей в центральный орган Гохрана. Реализация ценных предметов на местах запрещалась¹². Архивные свидетельства об изъятии ценностей у религиозных общин Витебской губернии сохранились фрагментарно, поскольку 15 февраля 1922 г. губернные ревтрибуналы получили распоряжение верховного трибунала ВЦИК передавать все дела по обвинению церковнослужителей в контрреволюционных действиях в отдел по отделению Церкви от государства при центральном архиве ВЦИК¹³.

Решением президиума Витебского губисполкома 7 февраля 1922 г. была создана губернская комиссия по изъятию церковных ценностей, в которую вошли председатель — секретарь витебского губкома РКП(б), заведующий губземотделом, член ВЦИК Н. Н. Сперанский, заместитель председателя — заведующий губфинотделом И. Б. Маймин, ответственный секретарь — председатель губернского комитета помощи голодающим В. И. Тихонов, член комиссии — представитель губисполкома, начальник Витебского губернского отдела ГПУ В. П. Даубе¹⁴. 10 февраля состоялось первое заседание комиссии, на котором была одобрена инструкция ВЦИК об изъятии ценностей, приня-

то решение получить в губисполкоме сведения о религиозных общинах и запросить разъяснение, каким порядком решать конфликты и споры с религиозными общинами, назначить дни предоставления инвентарных книг и описей имущества. Особое внимание уделялось агитационным мероприятиям: в витринах магазинов следовало поместить фотоснимки сцен голода, на заводах, фабриках, в воинских частях провести собрания для обсуждения положения голодающего Поволжья и изъятия церковных ценностей¹⁵.

5 марта в Витебске на общем собрании 4-го отдельного авиационного отряда практически единогласно было решено «для спасения массы миллионов голодающих Поволжья... в самом срочном порядке все церковные ценности изъять»¹⁶. 8 марта заведующий губфинотделом И. Маймин получил письменное распоряжение об исполнении решения Витебского губисполкома по изъятию ценностей, и губернская комиссия приступила к работе. Уездным исполкомам были разосланы телеграммы с требованием организовать уездные подкомиссии по изъятию ценностей в следующем составе: по одному представителю от уездных исполкома, финотдела, комитета помощи голодающим¹⁷. Работу комиссии должен был обеспечивать священник прихода. В подробной описи делалась обязательная отметка относительно предметов, предназначенных для богослужебного употребления, ее подписывали члены учетной комиссии и священник.

Подготовительные мероприятия проводились в секретном порядке. Изъятие ценностей планировалось провести максимально быстро — сначала в городах, затем в волостях: в городе — за 1 день, в волостях — за 3–4 дня. Изъятие ценностей в синагогах считалось более простым, поэтому решили начать реквизицию именно с них. Накануне дня изъятия следовало составить именные списки комиссий отдельно для каждого храма, в состав которых вошли председатель, 1–2 технических сотрудника, сотрудники, знакомые с производством обысков (из уголовного розыска, политбюро или милиции). Комиссия имела мандат, 2 экземпляра бланка изъятия ценностей, опись имущества конкретной церкви, мешок для упаковки ценностей и инструменты для их извлечения (стамеска, клещи, отмычки). Уездная подкомиссия должна была заблаговременно забрать у священников дореволюционные инвентарные книги, по которым составлялись предварительные списки ценностей, а те, кто их не предоставил, должны были предстать перед судом. Для предотвращения возможных беспорядков в день изъятия назначалось ответственное за охрану города лицо, было организовано дежурство членов уездной подкомиссии и скрытое наблюдение за ситуацией у каждой церкви. Связь между организаторами и исполнителями операции обеспечивалась благодаря конным курьерам. Перед началом изъятия блокировался доступ на колокольню для исключения созыва людей, с этой же целью на близлежащих фабриках устанавливался дополнительный контроль за фабричным гудком. Для обнаружения скрытых ценностей и старых инвентарных книг накануне изъятия рекомендовалось произвести тщательные обыски у священников и близких к ним лиц. Священник и староста прихода вызывались в комиссию по изъятию ценностей, где им сообщали о планируемой акции, причем

ответственность за возможные волнения прихожан возлагалась на духовенство. К этому моменту к церкви уже прибывала охрана, а члены комиссий по изъятию ценностей, получив инструктаж председателя уездной комиссии, вместе со священниками и церковными старостами расходились по приходам и приступали к работе. В волостях работа организовывалась подобным же образом, только священника вызывать в город не требовалось. Изъятие предписывалось начать утром в день, когда не совершается богослужение (т. е. исключая субботу и воскресенье), и закончить до обеда. Тщательному досмотру подлежали подвалы, чердаки и другие скрытые места. Ценности, обнаруженные там, изымались с составлением протокола о факте сокрытия. Кроме членов комиссии, священника и старосты при изъятии должны были присутствовать 2–3 прихожанина, они также ставили свои подписи в протоколе. Реквизицию следовало производить при закрытых дверях. Если в церкви случайно оказывался посторонний, его нужно было удерживать в помещении до окончания изъятия. Реквизированные вещи помещались в мешок и опечатывались, при необходимости производилось перевзвешивание драгоценных предметов. Возмещение стоимости последних хлебом запрещалось, замещение стоимости церковного предмета собранным золотом и серебром допускалось только с разрешения губернской комиссии. Особые мнения верующих и духовенства следовало вносить в протокол. После окончания изъятия ценностей в приходах уездный финотдел с участием экспертов, представителей духовенства и церковных советов должен был произвести приемку реквизированных предметов и под охраной переслать их в губернский финотдел¹⁸.

13 марта заместитель председателя комиссии обратился в губернский отдел юстиции с требованием в течение 24 часов предоставить договоры с религиозными общинами, список церквей, костелов, синагог и молитвенных домов Витебска¹⁹. В тот же день состоялось совещание коллегии Витебского губполитпросвета, на котором рассматривался вопрос изъятия ценностей из церквей. В целях агитации было решено проводить митинги в воинских частях, на заводах и фабриках и даже на собраниях верующих в церквях. Для этого были разработаны типовые тезисы выступлений, в губкоме партии запрошено определенное количество агитаторов, в комиссию по изъятию ценностей делегирован представитель губполитпросвета²⁰. Копии всех материалов, характеризующих пропагандистскую деятельность губполитпросвета в этом направлении, предлагалось передавать в распоряжение губкомиссии по изъятию ценностей, хотя заведующий губполитпросветом возражал против такого рода подчиненности его отдела²¹. В разработанных губполитпросветом пропагандистских тезисах изображались как общий масштаб бедствия в стране — более 25 млн голодающих, 10 тыс. ежедневно умирающих от голода, так и ситуация в Витебской губернии — огромное число беженцев, 5 тыс. эвакуированных детей, 440 тыс. человек в закрепленной за губернией голодающей области Поволжья, которым ежедневно требовалось до 2 тыс. пудов хлеба. Наряду со статистикой в тезисах использовались и пропагандистские приемы: «Церковные ценности приобретены потом и кровью

русского народа, и теперь... народ имеет право взять эти ценности для своего спасения». Авторы не стеснялись апеллировать к Божественному человеколюбию: «Никакое религиозное учение не может утверждать, что милосердный Бог предпочтет видеть миллионы людей умирающими, чем пожертвовать побрякушками, которые Богу не нужны. Наоборот, долг всякого честного и верующего человека, у которого есть хоть капля любви к ближнему... пожертвовать частью мишурного благолепия в храмах во имя долга человеколюбия — спасения миллионов несчастных умирающих людей»²².

14 марта губернский отдел юстиции передал управляющему Полоцко-Витебской епархии архиепископу Иннокентию (Ястребову) 300 экземпляров регистрационных карточек для сбора сведений о православных приходах в пределах Витебской губернии. Позже делопроизводитель архиепископа Иннокентия протоиерей Антоний Никонович просил оказать содействие в рассылке бланков карточек по церквам, ссылаясь на отсутствие средств в канцелярии епархиального управления²³.

15 марта состоялось 2-е заседание Витебской губкомиссии по изъятию церковных ценностей, на котором обсуждался вопрос о подготовительных мероприятиях и приостановке практических действий по изъятию ценностей. Для этого рекомендовалось публиковать в местной прессе резолюции, вынесенные собраниями рабочих, красноармейцев и др., провести совещание при губпомголе для «представителей культов», привлечь инициативные группы священнослужителей и верующих для участия в агитационно-подготовительных мероприятиях. Религиозным общинам предлагалось предоставить в распоряжение комиссии по изъятию ценностей инвентарные книги, а для ревизии музеев была сформирована подкомиссия, которой поручалось провести эту работу в течение 2 недель. Губернский отдел народного образования получил задание составить списки вещей для передачи в фонд помощи голодающим. Ценности, уже находящиеся в губфинотделе, следовало учесть как можно скорее и отослать в Москву в Гохран²⁴. Ответственный секретарь комиссии по изъятию ценностей В. Тихонов отправил отношение начальнику губернской милиции, в котором просил затребовать у начальников районных отделений милиции Витебска точные данные о количестве и адресах церквей, костелов, синагог, молитвенных домов, находящихся на подответственной им территории. Полученные сведения следовало передать в канцелярию комиссии по изъятию ценностей²⁵. Всего в комиссию поступила информация о 58 культовых зданиях²⁶.

22 марта состоялось расширенное заседание губернской комиссии по изъятию ценностей, на котором помимо членов комиссии присутствовали представители витебского Николаевского кафедрального собора — настоятель Николай Околович²⁷, ключарь Стефан Кальвин, церковный староста Крачковский, а также староста Успенского собора Корневский, настоятель старообрядческой церкви Госленко, настоятель единоверческой Благовещенской церкви Овсянкин, витебский общественный раввин Меламед, представитель евангелическо-лютеранского прихода Яунзем. На это заседание был вызван также управляющий Полоцко-Витебской епархией Иннокентий (Ястребов),

но он уполномочил присутствовать вместо себя священника Стефана Кальвина. Ксендз С. Трусковский прибыть не смог, в письменном объяснении он утверждал, что в римско-католических костелах Витебска ценностей нет, а костельным имуществом может распоряжаться только Могилёвский римско-католический архиепископ. Первым выступил представитель губпомгола Гуревич, рассказавший о положении голодающих в Поволжье. По словам докладчика, до сего времени помощь им оказывал лишь пролетариат: рабочие, красноармейцы и отчасти крестьяне. Однако требуются самые энергичные меры — привлечь все население к активной помощи голодающим и изыскать все средства. После выступления Гуревича священник Стефан Кальвин спросил его, что конкретно сделало государство для помощи голодающим? После чего ответственный секретарь губернской комиссии по изъятию ценностей Тихонов огласил постановление ВЦИК о порядке изъятия церковных ценностей в пользу голодающих и инструкции, детализирующие этот процесс. Член ВЦИК Сперанский предложил присутствующим религиозным деятелям высказать свои соображения, каким образом провести изъятие быстрее и безболезненнее. Первым высказался раввин Меламед, заявив, что ради спасения голодающих никаких препятствий изъятию со стороны еврейской общины не встретится, и предложил немедленно передать ценности витебских синагог. Затем выступил Стефан Кальвин, также признавший необходимость сдачи церковных ценностей. Однако он обратил внимание на то, что освященные церковные предметы невозможно сдать без благословения и разрешения Патриарха, к тому же на многих предметах есть имена жертвователей, поэтому их передача возможна только с согласия последних. Представители общин старообрядцев и единоверцев, а также представитель евангелическо-лютеранского прихода Яунзем присоединились к мнению Стефана Кальвина. На заседании были оглашены письмо Петросовету митрополита Петроградского и Ладожского Вениамина и послание Святейшего Патриарха Тихона. После прений комиссия приняла ряд решений: немедленно приступить к учету церковных ценностей по инвентарным книгам и описям, существовавшим до принятия декрета «Об отделении Церкви от государства»; в синагогах изъятие произвести немедленно, в присутствии общественного раввина и представителей хозяйственного комитета, относительно других религиозных общин следовало подождать получения разъяснений от руководства; разослать настоятелям церквей, костелов, синагог и проч. выписки из протокола заседания комиссии; просить губком и Рабоче-крестьянскую инспекцию немедленно откомандировать в распоряжение комиссии 15–20 работников для формирования учетных комиссий, в которые должны были входить и настоятели церквей; возложить проведение в жизнь решений комиссии на заместителя председателя губернской комиссии по изъятию ценностей И. Маймина²⁸.

23 марта Витебский губком РКП(б) получил телеграмму из ЦК РКП(б), которой предписывалось немедленно сформировать секретную губернскую руководящую комиссию по изъятию ценностей, в состав которой должны были войти секретарь губкома (либо заведующий агитпропом) и комиссар

дивизии, бригады (либо начальник политотдела). Наряду с этой секретной подготовительной комиссией необходимо было создавать официальные комиссии при комитетах помощи голодающим. Особое внимание уделялось национальности членов официальных комиссий, дабы избежать нареканий в шовинизме. За неделю до начала изъятия ценностей необходимо было начать агитационную работу, из которой следовало исключить тему борьбы с религией и Церковью и сосредоточить внимание на необходимости помощи голодающим. Агитаторов для этого рекомендовалось подбирать из среды военнослужащих. Одновременно с ведением агитации ЦК РКП(б) обязал губком как можно активнее создать раскол в среде духовенства, взяв под защиту государственной власти только тех священников, которые открыто поддерживали бы кампанию по изъятию церковных ценностей. На городских митингах и приходских собраниях предполагались обязательные выступления представителей голодающих. В случае необходимости партийная власть получала возможность задействовать военнослужащих местного гарнизона для проведения манифестаций при оружии и с плакатами «Церковные ценности для спасения жизни голодающих». До конца кампании «видных попов» предписывалось не трогать, но официально предупредить их под подписку о личной ответственности за возможные эксцессы. Давались советы и по непосредственной организации реквизиции: к учету ценностей при компомголах допустить духовенство; начинать изъятие с наиболее богатых городских приходов, или с наиболее значимого прихода, или с того храма, настоятелем которого является лояльный к этой акции священник; при этом коммунисты должны быть рассредоточены на прилегающих улицах и поблизости находиться в готовности надежная воинская часть²⁹.

26 марта секретарь ЦК РКП(б) В. Молотов телеграфно известил Витебский губком РКП(б) о важнейшей политической задаче на тот момент: «Изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на конкретнейшем вопросе помощи голодающим, затем показать и строгую руку рабочего государства». Для этого он предложил относиться к священнослужителям строго формально — только как к группе граждан, которым государство на известных условиях доверило ценности. Молотов заметил, что газетная кампания по изъятию ценностей ведется неправильно, будучи направленной в принципе против духовенства. Молотов поставил цель расколоть «попов» или «в корне углубить и заострить существующий раскол». Задача агитации, по его мнению, состоит в том, чтобы «поддержать в борьбе низы [Церкви] против верхов, дать им понять и почувствовать, что государство не позволит верхам терроризировать [низы], поскольку они стремятся обеспечить исполнение декретов рабоче-крестьянской власти»³⁰.

Из губернского комитета РКП(б) И. Маймин получил распоряжение приостановить изъятие церковных ценностей по причине возникших в связи с этим осложнений³¹. Он запросил расчетно-кассовый подотдел губфинотдела о количестве уже изъятого золота и серебра, подготовленного к отправке в Гохран³². На следующий день он запросил губком РКП(б) и отдел рабоче-крестьянской инспекции о прикомандировании от них в распоряжение

комиссии по изъятию ценностей 15–20 человек³³, а также обратился в губернский отдел народного образования с предложением выделить 2 представителей для работы в комиссии по осмотру музеев и срочно составить списки тех ценных вещей, находящихся в ведении губернского музея, которые можно передать в пользу голодающих³⁴. Требования Маймина были удовлетворены³⁵.

Учет ценностей в 26 православных церквях Витебска (включая приписные) состоялся с 27 марта по 3 апреля³⁶. Складывалась весьма напряженная ситуация, поэтому губернская власть потребовала от управляющего Полоцко-Витебского архиепископа Иннокентия (Ястребова) гарантии того, что при учете церковных ценностей со стороны православного населения никаких эксцессов не будет. По этому вопросу архиерей письменно обратился в губкомиссию по изъятию ценностей и указал, что проведено собрание духовенства, на котором данное мероприятие советской власти было признано законным и правомерным, приходские советы оказывают содействие при производстве учета ценностей, однако ни архиепископ Иннокентий, ни духовенство не могут отвечать за действия отдельных граждан³⁷.

Одним из ярких противников изъятия церковных ценностей выступил преподаватель Витебского филиала Московского Археологического института, профессор истории и теории изящных искусств А. И. Успенский. Весной 1922 г., рискуя жизнью, он доставил Полоцкому и Витебскому архиепископу Иннокентию Послание Святейшего Патриарха Тихона от 28 февраля «Ко всем верным чадам православной Церкви» и его устные указания по вопросу изъятия церковных ценностей, а также присутствовал на собрании городского духовенства, на котором обсуждалось патриаршее Послание³⁸. Изъятие в послании названо святотатством: «Изъятие из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, освященных предметов, употребление коих не для богослужбных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство: мирянин — отлучением от нее, священнослужитель — низвержением из сана»³⁹. Настоятель православного прихода в местечке Лиозно в 1931 г. так описал происходившее на собрании в 1922 г.: «Мне случайно пришлось быть на собрании витебских церковников, где обсуждался вопрос, что делать с декретом об изъятии ценностей. На собрании присутствовали архиерей Иннокентий (Ястребов), его секретарь протоиерей Антоний Никонович, душа витебских староцерковников Еленевский В. Н., протоиерей Стефан Кальвин, священник Семеновской церкви Михаил Дымман (ныне чертежник) и два неизвестных мне духовных лица. Против изъятия ценностей высказался сперва протоиерей Стефан Кальвин, потом Владимир Еленевский. Оба в одно слово сказали: “Большевиков не поддерживать и церковных ценностей не отдавать”. Все остальные молчали, только священник Михаил Дымман и протоиерей Симеон Оглоблин сказали: “А хорошо ли это будет? Два-три расстрела, и вы все убежите в кусты”. После чего они покинули собрание, а все остальные остались». К числу активных участников церковной жизни и противников изъятия ценностей священник из Лиозно отнес В. Еленевского, протоиерея Николая Околовича, Н. П. Кутлешова, про-

тоиерея Петра Беяева, старосту Николаевского собора Н. Крачковского и др. Свидетельское показание одного из священников, арестованных по делу православных церковнослужителей в 1931 г., дополняет этот список: в Витебске — протоиереи Антоний Никонович, Феодор Чулков, Фантин Капустинский, Александр Григорович, бывший ректор семинарии протоиерей Артоболевский, протоиерей Феодор Борнуков, архиепископ Иннокентий (Ястребов); в Полоцке — старший священник Спасо-Евфросиниевского монастыря протоиерей Околович; в Городке — иерей Николай Заблоцкий; в Себеже — «апостол староцерковников» протоиерей Митрофан Овсянкин. Обновленческий «архиепископ Великолукский и Невельский» в 1931 г. также дополнил перечень противников изъятия ценностей: «Священники Алексей Шекало и Александр Стальмашевский, доктор Петр Красовицкий, Василий Еленевский (брат Владимира Еленевского.— *В. Г.*)». По свидетельству протоиерея Александра Григоровича, арестованного в 1931 г., в конечном итоге на собрании в 1922 г. архиепископ Иннокентий предложил каждому священнослужителю поступать по своему разумению. 21 июля 1922 г. в Москве по делу о беспорядках в связи с изъятием церковных ценностей профессор Успенский был арестован, 27 июля выслан в Смоленск в распоряжение выездной сессии Верхтрибунала и приговорен к 5 годам заключения⁴⁰. Амнистирован в 1923 г., повторно арестован 9 декабря 1924 г., 18 мая 1925 г. дело было прекращено.

27 марта в витебской Иоанно-Крестительской церкви комиссию по учету ценностей встретила толпа прихожан, которая, впрочем, не оказала открытого сопротивления. Настоятель представил собравшимся членов комиссии, после чего поднялся шум, священник подписал бланки описей и, дав распоряжение предъявить церковное имущество, ушел, ссылаясь на нездоровье. Церковный староста не смог предъявить дореволюционную инвентарную опись, сказав, что ее не сдал предыдущий, ныне покойный, священник. Имеющаяся же опись имущества датирована 1921 г., однако у членов комиссии возникли сомнения в ее подлинности. Было принято решение немедленно составить опись фактически имеющегося церковного имущества. Работа велась под возмущенные крики толпы, пытавшейся забрать составляемый документ⁴¹.

27 марта приходской совет Марковского прихода Витебска добровольно передал в пользу голодающих Поволжья ценные небогослужебные вещи: 4 серебряных иконных оклада, 5 лампад, серебряный лом и золотой архимандритский крест, украшенный аметистами и жемчугом⁴². Священник витебской Успенской единоверческой церкви Рослов передал комиссии богослужебные сосуды из драгоценного металла с просьбой выдать другой комплект сосудов для продолжения богослужений⁴³. 28 марта при производстве учета ценностей в лютеранской кирхе комиссия установила, что здесь можно изъять серебряную чашу, заменив ее глиняной⁴⁴. В ответ на просьбу настоятеля Введенской старообрядческой общины Зиновия Нижникова оставить единственную серебряную чашу, которую мог освятить только старообрядческий Московский епископ, общине было предложено затребовать за свой счет из Москвы новую освященную серебряную чашу взамен изъятый⁴⁵.

29 марта был произведен учет ценностей в витебской Петропавловской церкви и приписных к ней Рождественском и Михайловском храмах⁴⁶. Обсуждалось внесение в опись парчовых священнических облачений и ковров как ценного имущества, подлежащего изъятию, вопрос остался не решенным⁴⁷. (К 4 мая 1922 г. были признаны ошибочно оставленными приходу серебряные напестольный крест и дароносица⁴⁸.) При учете ценностей в витебском Покровском приходе, включавшем в себя Покровскую, Воскресенскую и Воздвиженскую церкви, комиссию встретила толпа. В ожидании священника представитель церковного совета пытался отговорить членов комиссии от учета церковного имущества, число собравшегося народа быстро увеличивалось. Подошедший священник не пытался успокоить прихожан, представители церковного совета говорили членам комиссии, что они идут против народа, толпа кричала, что их надо выпороть нагайками. Председатель комиссии оправдывался тем, что сейчас ничего не забирают, а лишь составляют опись имущества. В ответ народ стал кричать, что в Петропавловской церкви опись сделать не дали, и люди из толпы начали совать в руки членам комиссии лотерейные билеты со словами: «Вот билеты на лотерею, где ваши вещи, предназначенные для помощи голодающим... мы не дадим делать вам описей»⁴⁹.

Учет имущества в Рождественском приходе Витебска, где настоятелем являлся священник Фантин Капустинский, начался сразу после литургии, в присутствии прихожан, поэтому, по свидетельству председателя комиссии, «пришлось долгое время успокаивать присутствующих, фанатизм которых достигал больших размеров... проклятия так и сыпались на голову большевиков». После долгих разъяснений и агитации удалось успокоить прихожан и приступить к описи имущества, во время которой выяснилось, что ценностей, подлежащих изъятию, весьма мало. 3 апреля настала очередь Свято-Духовской церкви, где инвентарная книга отсутствовала, имелся небольшой список имущества, заверенный несколькими свидетелями. Из серебряных предметов, не внесенных в опись, нашлись 2 иконных оклада и кадило, которые отнесли к ювелиру для установления веса и ценности⁵⁰.

Указанное количество церквей (26) не являлось точным, так как с 1918 г. домовые и приписные храмы закрывались в хаотичном порядке, была упразднена духовная консистория, и к 1922 г. не всегда было ясно, действует та или иная церковь или нет. Так, ключарь витебского кафедрального собора священник Стефан Кальвин обратился в комиссию по изъятию ценностей с просьбой произвести учет в больничной церкви в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», приписанной к собору. Сведений об этой церкви в губкомиссии по изъятию ценностей не оказалось⁵¹. 21 мая в местной периодической печати появилось объявление с просьбой сообщить о судьбе имущества домовых церквей духовного училища и губернской тюрьмы, упраздненных в 1918 и 1919 гг. В ответ протоиерей витебского кафедрального собора Феодор Булатов сообщил губкомиссии, что данное имущество в свое время было передано в витебскую Иоанно-Богословскую церковь. По заявлению настоятеля этой церкви протоиерея Алексия Донова, в ней также

хранилось имущество других упраздненных городских домовых церквей: дома трудолюбия, детского приюта и Двинской тюрьмы, эвакуированной в Витебск во время Первой мировой войны. Впрочем, все это имущество губкомиссия по изъятию ценностей своевременно учла⁵².

По сведениям губернского бюро юстиции, в 1922 г. в Витебске насчитывалось 55 синагог, в которых также требовалось произвести учет имущества, причем здания 6 из них уже были переданы для размещения еврейского коммунистического университета имени К. Маркса⁵³. 29 марта витебские раввины Б. Рабинович, Ш. Медалье, Л. Шнеерсон, М. Херузе, М. Гуревич, А. Нерославский и Гольдберг были письменно извещены о том, что 31 марта члены комиссии по учету и изъятию ценностей будут работать в городских синагогах. Вопрос оказался непростым, поэтому 30 марта в губкомиссию для переговоров были приглашены пользующиеся особым влиянием в местной еврейской общине раввины Рабинович и Медалье⁵⁴. 31 марта удалось осмотреть 6 синагог, из которых только в синагоге «Алас-Исшурун» не нашлось инвентарной книги, а имевшиеся ценности, по заявлению старосты, были ранее украдены⁵⁵. В апреле 1922 г. всем уездным комитетам РКП(б) была разослана телеграмма следующего содержания: «Ценности из еврейских молитвенных домов изымаются в чрезвычайно мизерных количествах, а в некоторых уездах таковые и вовсе не обнаружены... Это создает почву для антагонизма между православным и еврейским населением... Обращаем внимание... на необходимость всяческими мерами рассеивать создавшуюся ситуацию»⁵⁶.

Учет имущества требовалось провести и в двух римско-католических костелах: св. Антония и св. Варвары⁵⁷. Ксендз костела св. Антония Стефан Трусовский отказался допускать туда комиссию по учету ценностей: «Будучи только викарным ксендзом, я не располагаю юридическими полномочиями, и потому никаких изменений в имущественном состоянии костела учинить не могу. С целью каких бы то ни было юридических сделок следует обращаться к архиепископу по адресу: Петроград, Фонтанка, 118»⁵⁸. И. Маймин запросил отдел юстиции о правомочности действий ксендза⁵⁹, на что получил разъяснения, из которых следовало, что «если ксендзом Трусовским при производстве работ по учету церковных ценностей будет допущено какое-либо фактическое неисполнение требований подкомиссии, последней о действиях ксендза Трусовского должен быть составлен протокол, направленный в губотдюд, для привлечения виновного к ответственности за неисполнение законных требований власти»⁶⁰. После этого витебским костельным комитетам стало сложно воздерживаться от подписания договоров с представителями государства, а учет и изъятие ценностей из них стали только вопросом времени⁶¹.

4 апреля Витебский губком РКП(б) и губисполком получили телеграмму, подписанную секретарем ЦК РКП(б) В. М. Молотовым, в которой предписывалось секретное наблюдение за богатыми церквами и их охрану, а ответственность за возможное хищение церковного имущества возложить на духовенство и при необходимости привлекать его к суду за расхищение народного достояния⁶². Председатели уездных исполкомов были оповещены

о необходимости предоставлять еженедельный отчет о ходе изъятия ценностей в адрес губернского отдела ГПУ и заместителя председателя комиссии Маймина⁶³.

На заседании Велижской уездной комиссии по изъятию ценностей 4 апреля представители церковноприходских советов зачитали декларацию, в которой обозначили отношение к происходящему: православная Церковь оказывает помощь голодающим посредством сбора пожертвований хлебом и деньгами, а распоряжение об изъятии церковных ценностей является открытым насилием. В то же время все приходы призывались к выполнению требований советской власти о сдаче ценностей — без мысли о противодействии, в силу христианского долга о подчинении власти, причем предлагалась схема замены богослужебных предметов личными ценностями прихожан, а те предметы церковной утвари, которые использовались при совершении таинств, должны были оставаться в храмах. Комиссия сочла нужным частично согласиться с этим предложением, официально оставив в распоряжении Николаевской церкви Велижа серебряные предметы общим весом около 10 фунтов, а подлежащие изъятию богослужебные вещи было разрешено заменить эквивалентными предметами из золота или серебра, собранными прихожанами. В велижской соборной Свято-Духовской церкви члены уездной комиссии приняли аналогичное решение, и на двух почитаемых иконах этого храма остались серебряные ризы весом более 20 фунтов⁶⁴.

Архиепископ Иннокентий (Ястребов) по запросу губкомиссии по изъятию ценностей предоставил в ее распоряжение сведения о председателях церковноприходских советов Витебска и адресах 14 приходов. Он сделал все, чтобы избежать провокаций в отношении Церкви во время проведения учета и не допустить напрасного кровопролития и волнений⁶⁵. Тем не менее в апреле 1922 г. владыка Иннокентий был арестован Витебским губернским революционным трибуналом за распространение воззвания Патриарха Тихона и проведение собрания духовенства по этому вопросу⁶⁶. Он был помещен в психиатрическую больницу⁶⁷, а 24 октября 1922 г., после распоряжения обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ) об увольнении его на покой, выслан из Витебской губернии. Эти действия имели единственную цель — устранение от активной церковной деятельности авторитетного архиерея, сразу же после удаления архиепископа Иннокентия на Полоцко-Витебскую кафедру был назначен обновленческий архиерей. В марте 1923 г., накануне празднования Пасхи, архиепископ Иннокентий был освобожден и вернулся в Витебск, публично объявил себя сторонником Патриарха Тихона и правящим архиереем Полоцко-Витебской епархии и предложил духовенству, склонившемуся в раскол, воссоединиться с Патриаршей Церковью. Среди населения поползли слухи о ликвидации обновленческого движения в Витебске и об усилении «тихоновщины и иннокентьевщины»⁶⁸. 12 апреля 1923 г. обновленческий «епископ» Гавриил (Свидерский) обратился в ВЦУ с просьбой запретить в священнослужении архиепископа Иннокентия и удалить его из Витебской епархии, где «он имеет много приверженцев как бывший председатель Союза русского народа и лицо староцерковного направле-

ния»⁶⁹. В тот же день благочинный Михаил Дымман доставил по месту жительства архиепископа Иннокентия письмо следующего содержания: «Препровождаю при сем указ ВЦУ об увольнении Вас на покой. Витебское епархиальное управление просит Вас не служить в церквях Витебской епархии без его ведома и разрешения, как это имело место в Никольской церкви [железнодорожников]»⁷⁰. 4–5 сентября 1923 г. состоялся епархиальный съезд духовенства, созванный по требованию обновленцев, который постановил удалить из епархии архиепископа Иннокентия, после чего тот был арестован, заключен в тюрьму⁷¹ и в октябре 1923 г. приговорен к ссылке без права жить в губернских городах в течение 3 лет⁷².

6 апреля 1922 г. губкомиссия по изъятию ценностей представила в губернский отдел ГПУ сводку о выполненной работе: произведен учет в 39 синагогах и молитвенных домах, а также в 12 приходах Витебска⁷³. Во время обыска в Успенской единоверческой церкви работники ГПУ в порядке личной инициативы изъяли Евангелие с серебряными украшениями. Этот факт стал известен комиссии по изъятию ценностей, которая потребовала ГПУ передать Евангелие в ее распоряжение, а арестованного настоятеля этой церкви освободить ввиду его активной помощи при изъятии приходского имущества⁷⁴. Маймин обратился в контрольную комиссию при губкоме РКП(б) с просьбой о привлечении к ответственности представителя губкома партии Страздака, который начиная со 2 апреля трижды сорвал проведение учета ценностей в Витебском губернском музее, не появившись там вообще⁷⁵. Только 12 апреля был произведен учет и отбор ценностей музея, располагавшегося в то время в здании семинарии⁷⁶. На общем собрании служащих президиума и отдела управления Городокского уездного исполкома и местной милиции была принята следующая резолюция: «Призываем всех честных граждан активно содействовать быстрейшему изъятию ценностей из храмов, церквей и всех молитвенных домов для немедленной реализации их на хлеб. Преступным действием вассалов церквей, злостно предательски относящихся к помощи умирающим от голода, должен быть положен конец суровой революционной рукой рабоче-крестьянского правительства»⁷⁷.

В донесении председателя Полоцкого уездного исполнительного комитета в адрес губернской комиссии по изъятию ценностей от 7 апреля указывалось, что 3 апреля в Полоцке были собраны представители религиозных организаций, причем представители православных и иудейских общин согласились с необходимостью изъятия излишков ценностей, а ксендз заявил, что без ведома епископа не имеет права распоряжаться церковным имуществом. 5 апреля уездный комитет ВКП(б) разослал по волостям Полоцкого уезда своих представителей, снабженных инструкциями по взятию на учет ценностей сельских церквей. В Полоцке результат изъятия ценностей в синагогах оказался ничтожным. К 7 апреля были учтены ценности в 2 православных монастырях, 2 соборах и 2 церквях, но осталось провести эту работу в костеле, старообрядческой церкви и еще в 2 православных храмах⁷⁸. 20 апреля Маймин телеграфировал председателю Лепельского уездного исполнительного комитета, требуя назначить для проверки церковных ценностей лучших

работников, а если духовенство будет препятствовать этому — в срочном порядке предавать виновных судебной ответственности⁷⁹. 22 апреля из синагог Витебска в губернский расчетно-кассовый подотдел были переданы предметы из серебра весом в 18 фунтов 20 золотников 72 доли. Среди них короны от Торы, пластины, подвески, бокалы, кольца, указки⁸⁰.

На заседании губернской комиссии по изъятию ценностей 14 апреля выяснилось, что учет ценных предметов практически закончен, осталось произвести опись лишь в 2 костелах и 2 единоверческих церквях. По уездам работа по учету ценностей началась и проходила без особых эксцессов. Состояние инвентарных книг в ряде случаев было признано неудовлетворительным из-за вырванных листов, что вызвало подозрение в укрывании ценностей духовенством. Некоторые подобные дела были переданы на расследование в губернский отдел юстиции. В адрес духовенства впервые открыто прозвучало обвинение в организации срыва кампании по изъятию ценностей и дискредитации советской власти. Проведение агитационной кампании было признано неудовлетворительным, поскольку городские обыватели в основном сочувствовали священнослужителям. Член ВЦИК Н. Сперанский предложил обязать церковные советы все учтенные ценности доставлять непосредственно в комиссию в установленные дни и часы. Решено учесть имущество братской лавки при витебском Николаевском кафедральном соборе, запретив там торговлю до разрешения комиссии. Уездным подкомиссиям предписано завершить учет ценностей к 25 апреля, после чего немедленно приступить к их изъятию, которое завершить не позже 15 мая. Еврейской общине предлагалось объявить сбор золота, серебра и драгоценностей и установить специальный налог в пользу голодающих евреев. Виновных в укрывательстве ценностей и инвентарных книг, в хищении ценных предметов, выступающих и агитирующих против изъятия следовало немедленно арестовывать и судить⁸¹.

14 апреля Сперанский обязал председателей уездных исполкомов предавать суду виновных в срыве учета ценностей в течение 48 часов. Учет церковных ценностей в уездах он обязал окончить не позже 25 апреля, а их изъятие — не позже 15 мая. Настоятели римско-католических костелов, отказавшиеся от этой процедуры, подпадали под революционный суд автоматически. 18 апреля заведующему расчетно-кассового подотдела Витебского губфинотдела было предложено создать комиссию из представителей губкомиссии по изъятию ценностей, рабоче-крестьянской инспекции и губфинотдела для приема имущества, изъятого из еврейских синагог и молитвенных домов⁸².

По сведениям Витебского губернского отделения рабоче-крестьянской инспекции, епархиальной комиссией по сбору пожертвований в пользу голодающих с 28 февраля по 9 апреля 1922 г. было собрано и внесено на банковский счет 23 928 550 рублей, из которых на 5561 тыс. рублей была куплена рожь, с 9 по 18 апреля поступило еще около 3 млн рублей. Каждый сбор денег за богослужением оформлялся как отдельный акт. Недостатков в ходе проведения ревизии не выявлено⁸³.

18 апреля Витебская губернская комиссия по изъятию ценностей подготовила доклад в адрес центрального комитета Помгола ВЦИК с кратким отчетом о своей деятельности. Отмечалось, что в Витебске и большинстве уездных городов учет ценностей закончен и в ближайшее время начнется их изъятие. По результатам предварительного учета в Витебске, где находились 25 православных церквей, 2 единоверческих, 3 римско-католических костела и около 40 синагог, прогнозировался сравнительно небольшой объем подлежащего изъятию имущества, в основном из серебра, не более 20 пудов. Несмотря на агитационную кампанию, открытое отношение основной массы трудящихся к изъятию церковных ценностей оставалось не вполне ясным, а скрытое — чаще отрицательным и почти враждебным. За открытое сопротивление изъятию ценностей арестовали 26 человек. Так, член губкомиссии В. Тихонов задержал и передал в ГПУ для производства дознания по подозрению в укрывательстве и хищении ценностей бывшего старосту витебского Успенского собора Корневского и возбудил ходатайство об аресте действующего старосты этого собора Максимова. У настоятеля витебской во имя Иоанна Крестителя церкви протоиерея Феодора Чулкова и у председателя приходского совета взята подписка о невыезде. Действия городского православного духовенства во главе с архиепископом Полоцким и Витебским Иннокентием расценивались как явное и тайное сопротивление изъятию. Аналогичный вывод делался и в отношении римско-католического духовенства. В случае подтверждения фактов их контрреволюционного поведения обвинительные материалы передавались в руки революционного правосудия. Изъятие ценностей к 18 апреля завершилось только в синагогах (около 25 фунтов серебра) и губернском музее (32 предмета роскоши, не имевших художественного значения)⁸⁴.

При проведении учета имущества в одной из церквей имела место нестандартная ситуация. А. Н. Хмельченко, ранее состоявший членом РКП(б), пришел в храм и, обращаясь к собравшимся прихожанкам, стал говорить о недопустимости учета церковных ценностей. Представитель губкомиссии вступил в беседу с Хмельченко, узнал о том, что он безработный, и убедил его написать заявление в Витебское отделение рабоче-крестьянской инспекции с просьбой принять на работу, тем самым отвлекая от агитации. Впоследствии документы по этому эпизоду были переданы в ГПУ⁸⁵. 20 апреля Маймин напомнил начальнику Витебского губернского отделения ГПУ о необходимости секретного наблюдения за богатыми церквями⁸⁶. В тот же день губернский отдел ГПУ получил из Москвы телеграмму, в которой указывалось на недопущение грубого обращения со священными предметами в церквях, оскорбления религиозных чувств; виновных в подобных действиях предлагалось привлекать к суровой ответственности⁸⁷. 21 апреля был арестован настоятель витебской Христо-Рождественской церкви священник Фантин Капустинский, были изъяты инвентарные книги прихода⁸⁸. Арест последовал после показаний одного из прихожан: «У нас имеется кладовая в алтаре с правого бока, там находится все церковное богатство, и туда во время описи не заходили и, что находится в кладовой, не описывали. Это самое главное место, где нужно было произвести опись»⁸⁹.

На заседании губернской комиссии по изъятию ценностей 23 апреля обсуждался вопрос о наказании священника Фантина Капустинского. При обыске у него было обнаружено ценное имущество, кроме того, в вину священнику вменялась контрреволюционная агитация. По предложению заведующего губернским отделом юстиции дело должно было рассматриваться на особой сессии народного суда, но члены комиссии по изъятию ценностей настояли на рассмотрении дела в губернском революционном трибунале, действующем по упрощенной юридической процедуре. В конечном итоге дело священника Капустинского передали в военный отдел Витебского губревтрибунала и назначили слушания на 25 апреля. ГПУ получило указание немедленно опубликовать правительственное сообщение о контрреволюционной деятельности духовенства, укрывательстве и хищении церковных ценностей и инвентарных книг⁹⁰. 27 апреля определением военного отделения Витебского губревтрибунала протоиерей Фантин Капустинский был приговорен к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией, но по случаю 5-й годовщины Октябрьской революции 5 апреля 1923 г. освобожден⁹¹.

Губернский отдел юстиции рекомендовал прекратить производство дел о сокрытии ценностей и выступлениях во время составления описей, но И. Маймин предложил такие дела передавать в ГПУ для расследования и установления виновных, после чего вновь рассматривать их на заседании комиссии по изъятию ценностей. Заведующий губернским отделом юстиции доложил комиссии, что ксендз С. Трусковский дважды препятствовал описи костельного имущества. Было решено выдать мандат на право учета ценностей в римско-католических костелах, а в случае дальнейшего сопротивления задержать ксендза и учет ценностей провести при помощи милиции. Начальник губернского отдела ГПУ решил в день заседания комиссии провести обыски в домах председателей церковных советов, у которых, по имеющимся данным, находились старые инвентарные книги, что и было сделано. Относительно начала изъятия ценностей мнения членов комиссии разошлись: Маймин считал, что приступить к этому нужно немедленно, в первую очередь реквизируя ценности в Христо-Рождественской церкви. Победила точка зрения ответственного секретаря комиссии Тихонова: к изъятию приступить после сличения учетных описей с главными инвентарными книгами церквей, а где таковых книг не окажется — виновных арестовать⁹².

25 апреля в витебском костеле св. Антония неожиданно появилась комиссия по учету ценностей, которая обнаружила и изъяла 6 серебряных чаш, бриллиантовое кольцо, 3 золотых кольца и 238 мелких серебряных предметов. Ксендз Трусковский был арестован за отказ от участия в учете и изъятии ценностей, которое производилось в присутствии сторожа и двух прихожан. Позднее досмотру подвергся витебский костел св. Варвары, все изъятое было передано в губфинотдел⁹³. 26 апреля Сперанский телеграфировал в ЦК Помгола о начале активного изъятия ценностей. За это время было конфисковано около 5 пудов серебра, вскрыты обширные тайники с драгоценностями, зафиксирована «контрреволюционная агитация» духовенства. По ходатайству губкомиссии по изъятию ценностей, ксендз Трусковский был привлечен

к ответственности за сопротивление, оказанное при учете ценностей в витебских костелах св. Антония и св. Варвары, в мае 1922 г. губкомиссия представила в ревтрибунал обвинительный материал в отношении его незаконных действий⁹⁴. Могилёвский римско-католический архиепископ-митрополит обратился в Витебский губисполком с ходатайством об освобождении настоятеля двух католических приходов Витебска священника Трусковского. В обращении разъяснялось, что ксендз не вправе распоряжаться церковным имуществом без разрешения своего архиерея, это норма церковного права, но и светские законодательные нормы, по мнению архиепископа, также охраняют неприкосновенность костельного имущества. Ходатайство осталось без внимания, и заседание Витебского губревтрибунала по делу ксендза Трусковского было назначено на 13 мая⁹⁵, он был приговорен к лишению свободы на 5 лет со строгой изоляцией⁹⁶.

27 апреля состоялось заседание комиссии по изъятию ценностей, посвященное выработке методики ускоренного изъятия церковного имущества в Витебске, чему препятствовала малочисленность 12 городских подкомиссий. Было решено мобилизовать 12 партработников и до 50 человек «сознательных курсантов» для работы по изъятию ценностей с таким расчетом, чтобы сделать ее за 1 день. Решением комиссии из работников ГПУ, губревтрибунала и губотдела юстиции была создана специальная комиссия для срочного рассмотрения злоупотреблений при изъятии ценностей, которая в военнопольном порядке могла привлечь виновных к ответственности. Уездным подкомиссиям по изъятию ценностей рекомендовалось не доверять церковно-хозяйственным советам и духовенству церкви учет имущества, а производить его только в присутствии членов подкомиссий⁹⁷.

Сразу после 1-го изъятия церковного имущества в апреле 1922 г. многие приходы стали добиваться возврата реквизированных святынь. 30 апреля состоялось специальное заседание губернской комиссии по изъятию ценностей, посвященное рассмотрению заявлений церковно-приходских советов Витебска, на которое были приглашены и просители — представитель Спасо-Преображенской церкви П. В. Пороменский⁹⁸, настоятель витебской Николаевской железнодорожной прихода церкви протоиерей Антоний Хорошкевич и староста этой церкви Пушный. Пороменский добивался возвращения приходу одного из двух изъятых серебряных напестольных крестов, а также серебряных окладов с 3 почитаемых икон Пресвятой Богородицы — чудотворной Ченстоховской, Тихвинской и образа «Всех скорбящих Радость». В отношении Ченстоховской иконы Божией Матери комиссия первоначально приняла решение оставить оклад в храме, но впоследствии решение изменилось. Вместо серебряного креста приходу вернули медный, а серебряные оклады икон остались в губфинотделе. Ходатайство приходского совета Николаевской железнодорожной церкви было отклонено⁹⁹.

Для совершения богослужений в витебском Успенском соборе, в котором после изъятия ценностей службы не совершались из-за отсутствия самой необходимой утвари¹⁰⁰. Усилиями настоятеля витебского кафедрального Николаевского собора протоиерея Николая Околовича 20 июня из губернской

комиссии передали комплект евхаристических сосудов, 2 креста, 2 Евангелия, дарохранильницу, сделанные из меди. Частично были возвращены изъятые предметы в приходы Николаевской железнодорожной, Семеновской Богоявленской и Покровской церквей, Николаевского кафедрального собора¹⁰¹. Известны примеры, когда верующие в одиночку пытались противостоять ограблению церквей. На этом же заседании было рассмотрено заявление гражданки М. П. Пороменской о возвращении ей серебряной лампы, ранее пожертвованной ее покойным отцом в Спасо-Преображенскую церковь и реквизируемой губкомиссией. Однако ходатайство было отклонено¹⁰².

В мае 1922 г. в уездные исполкомы Витебской губернии поступила детальная инструкция по производству изъятия церковных ценностей, подписанная председателем губернской комиссии Сперанским. Изъятие требовалось проводить со всей решительностью, без поблажек, определялась конечная цель кампании — полное изъятие из церквей золота, серебра и драгоценных камней. Для православных храмов был определен минимальный перечень утвари, не подлежащей изъятию: напрестольный крест, 2 Евангелия, кадило, 1 комплект священных сосудов (потир, дискос, звезда, копия, ложка, дарохранильница, 2 тарелочки и ковшик). С икон предписывалось снять все ценные ризы, с Евангелий — золотые и серебряные накладки. В костелах оставался 1 комплект богослужебных предметов. В синагогах все золото, серебро и драгоценные камни изымались без исключения¹⁰³. 3 мая причт и прихожане Невельского собора обратились в комиссию по изъятию ценностей с заявлением о том, что из двух потиров изъят самый большой, а малого потира не хватает для причащения всех желающих, особенно в период поста, когда на богослужение собирается до 7 тыс. человек, а за один раз причащается до 2 тыс. К тому же были реквизированы все напрестольные кресты, копия и кадило. Приходу было возвращено только копия¹⁰⁴.

4 мая состоялось заседание бюро Оршанского уездного комитета РКП(б), на котором Сперанский поделился опытом изъятия церковных ценностей в Витебске. Было решено провести реквизицию одновременно во всех храмах и молитвенных домах Орши, для чего сформировать 7 подкомиссий — по числу религиозных общин. Для поддержания порядка в городе предполагалось мобилизовать 50 коммунистов и 30 милиционеров, для приема ценностей — организовать в уездном финотделе дежурство ответственных лиц, после изъятия — проводить обязательный обыск и предавать суду виновных в сокрытии ценностей. В волостях Оршанского уезда изъятие церковных ценностей должно было начаться 8 мая¹⁰⁵.

На заседании губернской комиссии по изъятию ценностей отмечалось, что в Витебской губернии изъятие проведено почти повсеместно. Обсуждалась ситуация в Велижском уезде, в котором было учтено около 8 пудов серебра, но «попы здесь представили пышную декларацию, из которой видно, что кое-что они собираются оставить для себя, для их богов»¹⁰⁶. Было решено поручить уездному комитету РКП(б) безотлагательно «изъять все ценности церквей, костелов и синагог, не допуская никаких послаблений, уклонений и соглашений с духовенством и церковно-приходскими советами... клеймить

позором и предавать виновных суду рев[олюционного] трибунала и беспощадно карать укрывателей и хищников церковных ценностей как расхитителей народ[ного] достояния»¹⁰⁷.

Председатель полоцкой уездной подкомиссии по изъятию ценностей доложил об окончании изъятия в городе и уезде, прошедшего без острых конфликтов. Правда при проведении мероприятий в полоцкой Иоанно-Богословской церкви священник Дубровский потребовал присутствия всех прихожан и заявил, что ему неизвестно место хранения церковного имущества, несмотря на то что в этой церкви он служил уже 2 года. Изъятие было проведено только с помощью члена церковного совета, при этом священник Дубровский пытался вернуть изъятую дарохранительницу на престол. Сведения об этом были переданы в следственные органы для привлечения священника Дубровского к ответственности¹⁰⁸. Временно осталась неизъятой та незначительная часть вещей, которая подлежала замене на менее ценные, впоследствии эти вещи также были реквизированы. 26 мая все изъятые в Полоцком уезде были доставлены в Витебск и переданы в губернский финотдел¹⁰⁹.

8 мая состоялось заседание уездной подкомиссии по изъятию ценностей в Невеле, на котором присутствовал представитель губкомиссии, предложивший форсировать события: уже на следующий день каждый из 4 невеличских православных храмов и римско-католический костел посетила комиссия из 3 человек, и к концу дня ценности, указанные в дореволюционных описях, были изъяты и переданы в уездный финотдел. Реквизиция прошла без волнений, поскольку население ничего не знало о происходящем. В тот же день состоялось изъятие ценностей в невеличском Спасо-Преображенском монастыре. Всего было изъято 24 предмета, за один серебряный крест у иконы Божией Матери и оклад Евангелия прихожане внесли деньги. Реквизиция прошла в присутствии настоятеля монастыря архимандрита Алипия и группы верующих, 11 мая таким же образом, «быстро и непоколебимо»¹¹⁰, прошло изъятие и во всем Невеличском уезде.

В начале мая настоятель замощанского и освейского костелов ксендз А. Филипп обратился во ВЦИК с заявлением, в котором снимал с себя ответственность за возможные волнения среди католиков при изъятии богослужебных предметов из костелов Дриссенского уезда и предупреждал о том, что ни он сам, ни другие католики в отсутствие указаний на этот счет римско-католического епископа не вправе самовольно распоряжаться храмовым имуществом, тем более что часть предметов, предназначенных для богослужения, освящается лично епископом, так что даже просто прикасаться к ним могут только лица, имеющие соответственный духовный сан. В телеграмме, полученной Виткомгубпомголом из ВЦИК, предлагалось разъяснить ксендзу Филиппу, что все костельное имущество на общих основаниях является достоянием Советской республики, переданным в пользование приходам, а католический священник может собственными руками упаковать его для отправки в Гохран. При сопротивлении изъятию ценностей виновные лица будут привлекаться к судебной ответственности¹¹¹. 10 мая Маймин предупредил уездные исполкомы о том, что если

работа по изъятию ценностей не завершится к 15 мая, лица, виновные в этом, будут преданы суду¹¹².

12 мая состоялось заседание Велижской уездной комиссии по изъятию ценностей, на котором было решено принять к сведению замечания губернской комиссии и уже 13 мая собрать в уездном исполкоме представителей религиозных общин города Велижа и местечек Ильино, Усвяты и Сураж, объявив им о необходимости реквизиции серебряных риз с икон, крестов и сосудов, имеющихся в нескольких экземплярах. Произвести реквизицию так, чтобы к 20 мая изъятые ценности находились в Витебске. Чтобы избежать нареканий со стороны христианской части населения и ввиду отсутствия в местных синагогах драгоценностей, предлагалось установить специальный налог для еврейских общин уездного города и местечек в виде определенного количества серебра и золота, но это предложение осталось не принятым, а было решено произвести тщательный осмотр синагог после окончания изъятия в церквях. Оставлять в церкви иконы предписывалось в том случае, если они имели художественную или историческую ценность, для последующей передачи в исторический музей, не снимать с икон серебряных окладов разрешалось только при возможном повреждении вида или письма. После окончания изъятия ценностей предписывалось произвести обыски в домах лиц духовного звания. В сельских же, итак достаточно бедных церквях члены комиссии решили ценности не изымать, чтобы из-за таких мелочей не спровоцировать конфликт с прихожанами¹¹³. Впоследствии появившаяся в Велижском уезде практика замены предметов, подлежащих изъятию, пожертвованиями прихожан была осуждена губернской комиссией. Губернская комиссия приказала провести изъятие ценностей в сельских церквях Велижского уезда, а из Витебска для проведения повторного изъятия был командирован уполномоченный губкомиссии по изъятию ценностей Савин. В Николаевской церкви Велижа он изъял 7 серебряных риз с икон, дарохранильницу и лжицу, а во время проведения обыска в церкви обнаружил пакет с перепиской и 5 серебряными ложками, принадлежавшими бывшему местному помещику¹¹⁴.

13 мая в полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре начала работу комиссия по вскрытию и освидетельствованию мощей прп. Евфросинии, созданная согласно указанию Народного комиссариата юстиции «О ликвидации мощей» 1920 г., постановлению Полоцкого уездного исполнительного комитета, утвержденного губисполкомом. После публичного осмотра мощей газета «Известия Витебского губисполкома и губкома РКП» сообщила решение полоцких трудящихся — сдать мощи в Витебский исторический музей. Серебряная рака, золотые и серебряные лампы с драгоценными камнями были реквизированы. Вскоре был закрыт и сам монастырь, а его здания переданы военному ведомству¹¹⁵.

15 мая приходской совет витебской Христо-Рождественской церкви обратился в губкомиссию с заявлением, в котором констатировалось прекращение богослужений в храме из-за отсутствия необходимых священных предметов, изъятых 23 апреля. Поскольку в заявлении излагалась просьба о воз-

вращении предметов, было решено ее исполнить, но с условием замены сосудов из ценного металла медными предметами, изъятыми в других церквях¹¹⁶. 16 мая в губкомиссию по изъятию ценностей обратилась с заявлением дочь протоиерея Димитрия Григоровича Е. Д. Алексеева. В городокском соборе была изъята икона свт. Николая Чудотворца, в 1917 г. подаренная прихожанами ее отцу, а после смерти последнего доставшаяся ей. По причине постоянных служебных перемещений мужа и крайнего уплотнения квартиры Е. Д. Алексеева временно поместила икону в городокский собор, но в опись имущества ее не внесли. На иконе имелись серебряные оклад и табличка с надписью: «Отцу протоиерею Димитрию Григоровичу от прихожан городокского Свято-Николаевского собора в память пятидесятилетия в сане священника. 13 ноября 1917 года». Во время изъятия ценностей в соборе риза и табличка были сняты, икона при этом повредилась. Просьба заключалась в реставрации иконы либо компенсации ущерба. Алексеева получила отказ¹¹⁷.

18 мая состоялось заседание комиссии по изъятию ценностей Оршанского уезда, на которое были вызваны представители местного православного и католического духовенства. Обсуждался вопрос о судьбе изъятых предметов, имевших музейную ценность. Было решено при подтверждении ценности губернским центром передавать их в Оршанский исторический музей. Все прочие изъятые ценности в присутствии приглашенного духовенства взвешивались, упаковывались, опечатывались и отправлялись под конвоем в Витебск. Часть подлежащих изъятию церковных предметов оставалась во временном пользовании приходами до замены на менее ценные, кроме того, в уездном финотделе хранились изъятые вещи, не имевшие ювелирной ценности¹¹⁸.

На заседании Витебской уездной комиссии по изъятию ценностей обсуждалось заявление священника горалевской церкви Яновичской волости Козырева. Последний просил оставить в распоряжении прихода предметы, указанные в описи 1919 г. и необходимые при богослужении, ссылаясь на отсутствие дореволюционной инвентарной описи. Было принято решение изъять все серебряные предметы, а дело передать в ГПУ для привлечения к ответственности виновных в отсутствии инвентарных книг¹¹⁹.

29 мая Себежская уездная комиссия по изъятию ценностей предоставила в Витебск отчет о своей работе. Всего по уезду к 20 мая было изъято около 4 пудов серебра и незначительное количество золота, других ценностей не оказалось. Отмечалось, что до 1922 г. в уезде не исполнялся декрет «Об отделении Церкви от государства», и это обстоятельство значительно затруднило реквизиции. Во избежание волнений по инициативе уездного комитета РКП(б) был реализован принцип добровольности при сдаче ценностей религиозными общинами. На действующем храмовом престоле ценности оставлялись, а остальное подлежало сдаче. Общий учет ценностей не проводился, поскольку в годы Первой мировой войны церковное имущество эвакуировалось и возвращалось, и его движение отследить было невозможно. При изъятии замена ценных предметов малоценными не производилась, поскольку отсутствовал обменный фонд¹²⁰.

По итогам работы Витебская губкомиссия по изъятию ценностей в апреле—мае 1922 г. подготовила доклад в ЦК Помгола при ВЦИК. В нем в общих чертах изображался ход реквизиции церковного имущества в Витебске и в губернии. В Витебске было изъято немногим более 20 пудов серебра, 1 фунта золота и 2–3 десятка драгоценных камней. Незначительность изъятия объяснялась экономической слабостью приходов после воссоединения униатов с православными и отсутствием в городе богатого русского купечества. При этом губкомиссия была уверена в укрытии значительной части ценностей духовенством. В целом отношение клириков к изъятию в докладе называется пассивным, отмечается, что под угрозой наказания часто сами священнослужители принимали меры к недопущению эксцессов. В Витебске представители революционной власти отметили 3 священников (один единоверческий), проявивших лояльность при изъятии ценностей. Поскольку во время предварительного учета ценностей имели место волнения прихожан, было решено предупредить возможность выступлений верующих во время изъятия. Были проведены повальные обыски на квартирах у священников, и те, у кого были обнаружены укрытые ценности, подверглись аресту. В ревтрибунал передавались наиболее значимые дела — как в случае со священником Фантином Капустинским. Отчет об этом процессе был передан во ВЦИК. В ближайшие дни предполагалось рассмотреть еще несколько дел в отношении представителей местного духовенства, обвиняемых в укрывательстве ценностей и оказании скрытого сопротивления их изъятию. Однако организованного сопротивления изъятию ценностей не отмечено, к числу незначительных эксцессов отнесены случаи, когда 5–10 женщин осыпали проклятиями членов комиссии, а также выстрел из револьвера вдогонку членам комиссии, посетившим в ночное время витебский костел св. Варвары, где были обнаружены следы укрывательства ценностей. Делался вывод о том, что ситуация с католическими храмами и населением оказалась гораздо сложнее: саботировались не только учет, но и изъятие ценностей. К примеру, в витебских костелах изъятие пришлось производить в отсутствие местного ксендза. Его арест, осуждение и прекращение богослужений в костелах Витебска повлияли на позицию католического архиепископа, который, по неподтвержденным сведениям, все-таки издал указание о необходимости выполнения декрета об изъятии церковных ценностей. Признавались перегибы, допущенные при реквизиции, когда ценности изымались неравномерно в разных приходах, это объяснялось неопытностью членов комиссии. К моменту подачи доклада изъятие ценностей в Полоцком, Городокском и Оршанском уездах уже закончилось, в 7 других уездах продолжалось. Настроение крестьянства первоначально оценивалось как враждебное, затем как безразличное и даже доброжелательное. В сельских храмах предполагалось изъять около 100 пудов серебра, 1–2 фунта золота и немного бриллиантов, в городских церквях — провести 2-ю волну реквизиции и дополнительно получить около 25% от уже изъятого объема ценностей¹²¹.

На заседании губкомиссии по изъятию ценностей 1 июня главной темой стал ход изъятия в уездах Витебской губернии¹²². Согласно представленной

статистической сводке общая картина была такой: Велиж и уезд — около 5 пудов серебра, 6 золотников золота и 1 золотник жемчуга; Городок и уезд — около 2 пудов серебра; Сенно и уезд — 32 фунта серебра; Невель и уезд — около 4 пудов серебра; Полоцк и уезд — около 12 пудов серебра; Дрисса и уезд — около 2 пудов серебра; Себеж и уезд — около 4 пудов серебра и 93 доли золота; Орша и уезд — около 7 пудов серебра, 9 пудов золоченой парчи, около 3 пудов золоченой фольги, $3\frac{1}{4}$ золотника золота, 50 золотников камней; Витебский уезд — около 8 пудов серебра. По Витебску, Лепелю и уезду официальных данных к 1 июня еще не имелось¹²³. Сделан вывод, что изъятие ценностей в уездах в целом закончено, но техническая работа будет продолжаться еще 2–3 недели. Отмечалось, что велижская и невелицкая подкомиссии «стали на путь соглашения с попами и допустили замену церк[овных] ценностей на разного рода лом серебра, часы и пр[оч.]... Сенненская уподкомиссия работала слабо... В результате изъято всего 31 фунт серебра»¹²⁴. В губкомиссию поступили также сведения о том, что в одной из православных церквей Зяблинской волости Невельского уезда остались неизъятими золотая чаша и золотой напрестольный крест, пожертвованные в 1909 г. помещиком Капустиним. Председателю невелицкой уездной подкомиссии было предложено срочно назначить секретную подкомиссию, изъять упомянутые предметы, о результатах телеграфировать в губкомиссию¹²⁵. Аппарат губернской комиссии решено частично свернуть, но техническую работу продолжать, уделив особое внимание агитационной кампании и публикации в прессе отчетов по изъятию ценностей. Окончание технической работы возлагалось на губфинотдел. Велижской уездной подкомиссии было категорически предписано произвести изъятие ценностей в сельских церквях. Сформированы проверочные комиссии с чрезвычайными полномочиями и направлены в более слабые по изъятию ценностей уезды¹²⁶.

В ходе реквизиций оказалось, что наиболее действенным звеном губернской комиссии по изъятию ценностей являлись временно командированные лица из различных советских учреждений. Особую активность проявил представитель губернской милиции Савин, который участвовал в изъятии ценностей в витебском Марковом монастыре, бывшей Полоцкой духовной консистории и православных приходах губернии. Так, 2 июня Савин в присутствии старосты и псаломщика обыскал витебскую Иоанно-Крестительскую церковь, обнаружив при этом спрятанный в алтаре под престолом деревянный ящик с серебряным футляром внутри. Была также вскрыта кладовая старосты. Там в деревянном ящике оказались изделия из серебра: 3 звезды, дискос, лжица, венчик, лампада, серебряные украшения с оклада Евангелия. Староста прихода заявил, что он ничего не знал об этих предметах¹²⁷.

На заседании губернской комиссии по изъятию ценностей, которое состоялось 5 июня, рассматривались заявления церковноприходских советов и духовенства. Так, церковный совет белохвостовской церкви Невельского уезда просил оставить на местнотимой иконе серебряную ризу весом более 9 фунтов, взамен предлагая серебро, собранное прихожанами. Решение

вопроса было передано уполномоченному губкомиссии по Невельскому уезду. Настоятель Иоанно-Крестительской церкви Витебска протоиерей Феодор Чулков ходатайствовал о возвращении 2 Евангелий, которые изъяли из за серебряного оклада на них. Было решено поручить рассмотрение этого вопроса следователю по важнейшим делам Витебского губернского отдела юстиции Давыдову. Настоятель витебского Свято-Троицкого Маркова монастыря архимандрит Порфирий просил вернуть изъятый, необходимый для богослужения золотой наперсный крест, напоминая о том, что монастырь ранее добровольно передавал один золотой крест в фонд голодающих Поволжья. В просьбе было отказано. Хозяйственный совет витебской старосельской иудейской молитвенной школы ходатайствовал о возвращении ручек от Торы «Эйц Хаим», изъятых 3 марта. Поскольку в результате проведенной экспертизы ручки были признаны медными, их вернули. Церковноприходской совет витебской Христо-Рождественской церкви просил вернуть кресты, Евангелия, литийный сосуд, комплект евхаристических сосудов, изъятые при дополнительном учете ценностей в этом приходе. Было решено медные предметы вернуть, а богослужебные предметы из драгоценных металлов заменить на такие же из более дешевого материала. Гражданка Е. Д. Алексеева требовала вернуть серебряную ризу с принадлежавшей ей иконы свт. Николая Чудотворца, находившейся в городокском соборе, изъятую городокской уездной подкомиссией. Требование осталось не выполнено. Рассматривалось заявление протоиерея витебского Николаевского собора Феодора Булатова по поводу передачи им имущества домовая церкви Витебского мужского духовного училища, упраздненного в 1918 г., и домовая церковь витебской губернской тюрьмы, ликвидированной в 1919 г., в витебскую Иоанно-Богословскую церковь. В связи с этим было выслушано сообщение настоятеля Иоанно-Богословской церкви протоиерея Алексия Донова и принято решение проверить по учетным ведомостям наличие имущества закрытых домовых церквей. Полоцкая уездная подкомиссия ходатайствовала о замене серебряного евхаристического набора сосудов из лютовской церкви весом немногим более 1 фунта на такое же по весу количество серебра. Ходатайство было отклонено принципиально, а уездной подкомиссии предписано срочно изъять серебряные сосуды с указанием на наличие в этой церкви еще двух евхаристических комплектов сосудов из меди¹²⁸.

Председатель Витебского уездного бюро юстиции инициировал начало следственных действий в отношении своего подчиненного — народного следователя 1-го района Витебского уезда В. Н. Еленевского и его супруги, обвиняемых в должностном преступлении по заявлению их домработницы. Свидетельскими показаниями обвинение не подтвердилось, наоборот, стали известны примеры безвозмездного оказания помощи Еленевским нуждающимся людям. Фактической причиной происходящего была активная и успешная юридическая помощь следователя приходам Полоцко-Витебской епархии, благодаря чему церковные общины имели возможность законным путем отстаивать свои интересы перед властью¹²⁹. Несмотря на неподтвержденность обвинений, у супругов Еленевских взяли подписку о невыезде из

Витебска. 9 сентября постановлением Витебского губернского революционного трибунала Еленевский был приговорен к году лишения свободы с запретом работать следователем в течение 3 лет, а его жена — к году лишения свободы условно с испытательным сроком на 2 года. С 9 сентября по 9 декабря 1922 г. Еленевский находился в губернском исправдоме, подвергаясь оскорблениям со стороны своих недавних подследственных по тяжким уголовным преступлениям. Только 29 ноября определением кассационной коллегии Верховного трибунала ВЦИК он был освобожден по амнистии ввиду 5-й годовщины Октябрьской революции, однако приговор остался в силе¹³⁰. В 1923 г. Еленевский овдовел, в октябре 1925 г. он был окончательно уволен с должности народного следователя. Зарабатывая оказанием частных юридических услуг, всю свою оставшуюся жизнь он посвятил организации церковной жизни в условиях гонений на веру. 4 ноября 2007 г. Синодом Белорусской Православной Церкви В. Еленевский был прославлен в лике местночтимых святых.

6 июня на заседании губернской комиссии по изъятию ценностей рассматривалось ходатайство оршанской уездной подкомиссии о передаче в местный музей некоторых предметов, имеющих историко-художественное значение и изъятых из общин разных вероисповеданий. Ввиду спорности вопроса его решение было передано Главмузею и Центральной комиссии по изъятию ценностей¹³¹. В тот же день под руководством уполномоченного губкомиссии Савина прошли обыски в келье казначея витебского Маркова монастыря иеромонаха Стефана и диакона Марковского прихода Козлова. У иеромонаха Стефана были обнаружены серебряные монеты на сумму немногим более 11 рублей, юбилейный серебряный крест весом около 5 золотников, небольшое Евангелие с серебряными накладками, а у диакона Козлова — серебряные монеты на сумму 2 рубля 5 копеек, 9 малых серебряных крестиков общим весом $\frac{1}{10}$ золотника, Георгиевская медаль IV степени¹³². Настоятель Маркова монастыря архимандрит Порфирий письменно объяснил губкомиссии по изъятию ценностей причину непредоставления им инвентарных книг монастыря, которые в поврежденном состоянии были обнаружены при обыске на клиросе. По словам архимандрита Порфирия, книги были там оставлены монастырским ризничим иеромонахом Андреем, ранее уехавшим в Себежский уезд для свидания с родными и не получившим разрешения от властей на выезд. Таким образом, в монастыре никто не знал о местонахождении инвентарных книг. Поврежденное состояние книг объяснялось тем, что после 1917 г. монастырское имущество было передано местной коммуне, а после ее перевода с территории монастыря книги оказались без печатей, с недостающими листами. Архимандрит Порфирий предложил губкомиссии принять в пользу голодающих от него лично деньги — золотом, серебром и кредитными билетами и серебряные ложечки, но вернуть монастырю 3 архимандритских креста¹³³.

7 июня Савин произвел обыск у игумении Тадулинского женского монастыря Анфисы (Кузмицкой) и обнаружил серебряный наперсный крест, 125 мелких серебряных монет и 135 николаевских рублей¹³⁴. В ответ на

ходатайства игумении и настоятельницы Есфирь (Вяль) вернуть им кресты последовала резолюция: «Принимая во внимание, что ношение наперсного креста монахиням не присвоено, просьбу отклонить»¹³⁵. В тот же день состоялось заседание пленума Витгубпомгола, на котором был заслушан доклад Тихонова, отметившего, что первоначально духовенство уклонилось в сторону сокрытия ценностей и контрреволюционной агитации, некоторые лица из духовенства арестованы и преданы суду, но в целом работа ведется успешно и будет закончена в течение июня¹³⁶. На заседании губернской комиссии по изъятию ценностей в этот день рассматривалось заявление председателя церковно-хозяйственного совета церковей Ильинского прихода Витебска священника Василия Борщевского о предоставлении Покровской церкви этого прихода, где служба прекратилась из-за отсутствия богослужебных сосудов, одной евхаристической чаши взамен 4 изъятых, а также о возвращении приходских инвентарных описей. Чашу священник получил, а инвентарные описи было решено вернуть после окончания дополнительной проверки церковного имущества по всему городу¹³⁷. Казначей Свято-Троицкого Маркова монастыря иеромонах Стефан обратился в губфинотдел с заявлением о бесчинствах членов комиссии по изъятию ценностей во главе с уполномоченным Савиным: «У меня приезжая комиссия взяла наперсный крест и моего Евангелия украшения, малый крестик и вынула из кармана 11 руб[лей] 15 коп[еек] мелких серебряных денег разного достоинства... Покорнейше прошу... не оставить мое заявление втуне, а возвратить мне наперсный крест и с Евангелия украшения как предметы, необходимые к служению. Упомянутые деньги... а также крестик оставляю для доброго дела»¹³⁸.

Савин неоднократно командировался в различные уезды Витебской губернии для совершения реквизиций из храмов. Так, при поездке в Лепель он обследовал церкви Бешенковичской, Стрижевской и Бочейковской волостей, изъяв при этом 25 серебряных углов от Евангелий и один серебряный иконный оклад. В работе Лепельской уездной комиссии по изъятию ценностей он отметил следующие недостатки: точные описи церковного имущества не составлялись; изъятие, как правило, производилось волисполкомами без участия уездных уполномоченных. Реквизиции имущества в православных церквях уезда и лепельском костеле прошли без волнений со стороны населения, но раввин местечка Бешенковичи, не желая отдавать ценности синагог, отказался впустить представителей комиссии в помещение еврейской школы. За это он был арестован и препровожден в милицию, но вскоре освобожден. Из лепельской церкви Савин изъял комплект евхаристических сосудов и серебряную ризу с иконы Божией Матери. По его требованию 8 июля для окончания работы по изъятию ценностей в церкви Лепельского уезда были командированы 4 партработника, а в ночь на 10 июля силами милиции и ГПУ произведены обыски на квартирах духовенства Лепеля. Иногда Савин исполнял и инкассаторские функции: 31 июля Себежский уездный финотдел доверил ему доставку в Витебск изъятых ценностей, упакованных в 2 ящика весом в 3 пуда и 18 фунтов, 2 пуда и $4\frac{3}{4}$ фунтов и мешок весом в $11\frac{1}{4}$ фунтов¹³⁹.

При повторной реквизиции в Евфросиниевском храме села Бабиничи Витебского уезда 8–9 июня, несмотря на заявление священника Е. Ланге, что все ценное уже изъято, был проведен обыск в здании церкви и обнаружена неучтенная серебряная риза с иконы. В дополнение к этому местный псаломщик сообщил уполномоченному Савину, что ранее священник в алтаре укрыл от изъятия серебряные крест, Евангелие и комплект евхаристических сосудов вместе с медным потиром, не внесенным в опись. Из объяснений по этому поводу священника Ланге следовало, что все это было передано его приходу из имущества полковой церкви одной из воинских частей царской армии¹⁴⁰.

На заседании губернской комиссии по изъятию ценностей 10 июня рассматривались заявления церковноприходских советов и духовенства. Настоятель Свято-Троицкого Маркова монастыря просил вернуть 3 изъятых архимандритских креста и сообщил о случайно обнаруженных инвентарных книгах. Было решено выдать во временное пользование один архимандритский крест, а рассмотрение случая с инвентарными описями поручить ГПУ. Председатель приходского совета витебской Покровской церкви протоиерей Петр Беляев просил вернуть один комплект евхаристических сосудов, необходимый для совершения богослужения в 3-м храме его прихода. Просьба была удовлетворена. Священнослужитель Маркова монастыря иеромонах Стефан просил вернуть изъятые у него серебряный наперсный крест и Евангелие с серебряными накладками. В возвращении креста было отказано, а Евангелие вернули без серебряных накладок¹⁴¹.

Многочисленные проверки в Марковом монастыре убедили власти в том, что практически все ценные предметы из монастыря реквизированы. Лишь после этого губернская комиссия по изъятию ценностей 11 июня вернула обители отобранные предметы, признанные малоценными: 2 Евангелия с медными украшениями, 2 иконы, трикирий и лжицу, а также 9 митр, посох и 2 наперсных креста с украшениями из служебного имущества архимандрита. Во временное пользование под ответственность церковного совета монастырского прихода была передана древняя почитаемая Казанская икона Божией Матери в серебряном окладе, украшенном камнями. Древность иконы подтвердил уполномоченный Главмузея по делам музеев Витебской губернии. Еще одна попытка изъятия ценностей в Марковом монастыре была предпринята 14 августа, но в ходе обыска ничего подлежащего изъятию не обнаружилось¹⁴².

4 мая на заседании Витебской уездной комиссии по изъятию ценностей было решено вызвать в волостные исполкомы представителей религиозных культов уезда, общины которых не предоставили описи ценностей. Однако это распоряжение не исполнялось повсеместно. Так, 13 июня на выездном заседании Витебской уездной комиссии по изъятию ценностей в бабиновичской церкви Добромысленской волости было установлено, что инвентарная книга вместе с неучтенной серебряной дароносицей были скрыты священником и церковным советом. Материал об этом направлен в следственные органы¹⁴³. В июне председатель губкомиссии Сперанский затребовал

железнодорожный вагон для отправки в Москву 1-й партии изъятых ценностей, для его охраны было командировано 10 политкурсантов, снабженных оружием и продовольствием¹⁴⁴. Члену Витебской губкомиссии Тихонову поручалось доставить вагон с ценностями в Гохран.

В ходе кампании по изъятию ценностей на основании распоряжения Полоцкого уездного исполкома 23 июня 1922 г. в костеле Полоцка было произведено вскрытие и освидетельствование мощей католического святого Андрея Боболи¹⁴⁵, что было одобрено 4 июля на заседании Витебского губкома РКП(б)¹⁴⁶. 20 июля состоялось изъятие мощей и передача их в распоряжение президиума Витебского губисполкома¹⁴⁷. По мнению членов секретариата Витебского губкома РКП(б), мощи Андрея Боболи имели музейную ценность и должны были стать экспонатом Витебского музея. Однако 22 июля в адрес Полоцкого уездного комитета РКП(б) из Москвы пришла телеграмма за подписями заместителя председателя ГПУ РСФСР Уншлихта и члена коллегии Народного комиссариата юстиции П. А. Красикова, в которой предписывалось мощи Андрея Боболи немедленно отправить в Москву¹⁴⁸.

На заседании губернской комиссии по изъятию ценностей 25 июня член ВЦИК Сперанский проинформировал комиссию о своей поездке в Велиж и проверке действий уездной подкомиссии по изъятию ценностей. Несмотря на ранее проведенную инспекцию были отмечены значительные упущения в деятельности уездной подкомиссии: она допустила замену церковных ценностей на предметы домашнего обихода, большая часть ценностей в уезде осталась не реквизирована. Политической ошибкой было названо заявление уездной подкомиссии о том, что ценные предметы, собранные прихожанами, по-прежнему являются их собственностью. Относительно велижской комиссии губернский отдел юстиции начал судебное разбирательство, ее членам был объявлен строгий выговор, предметы, собранные прихожанами, засчитаны за церковные сосуды, без которых невозможно совершение богослужения, а оставшиеся на местах церковные ценности все-таки было решено изъять. Для проверки деятельности невелижской уездной подкомиссии в Невель поехал Маймин, а ответственный секретарь Тихонов должен был проверить инвентарные книги и закончить фактическое изъятие ценностей в церквях Витебска. Для этого ему поручалось доставить из Москвы не менее 25 комплектов священных сосудов из малоценного материала для замены ими серебряных сосудов, оставленных в витебских городских церквях¹⁴⁹.

29 июня в губернский отдел ГПУ поступило сообщение о том, что при изъятии ценностей в Витебске были реквизированы, но не внесены в описи несколько предметов из костела св. Антония и Спасской церкви. Из ГПУ последовало распоряжение: «Тов[арищ] Маймин, прошу срочно выяснить, в чем дело. Это наводит на скверные подозрения. Сличить описи». 2 июля в губотдел ГПУ пришло разъяснение: жемчуг весом 4 золотника 45 долей, снятый с иконного оклада в Спасо-Преображенской церкви Витебска, был ошибочно отнесен к золотым предметам, а серебряное кольцо из костела

св. Антония по заключению ювелира оказалось украшено не бриллиантами, а недорогими камнями и потому включено в опись простых серебряных предметов. Заведующий Витебским губернским музеем А. Бродовский обратился в губкомиссию по изъятию ценностей с просьбой передать музею предметы, оставшиеся после сортировки изъятых церковных ценностей. Просьба была удовлетворена, и различные предметы из христианских храмов и иудейских синагог, а также светского происхождения (всего 46 позиций) поступили в музей¹⁵⁰. 3 июля в губернскую комиссию по изъятию ценностей обратились настоятель витебского кафедрального Николаевского собора протоиерей Николай Околович и протоиерей того же собора Феодор Булатов. В своем заявлении они указали, что после 3-го изъятия в кафедральном соборе не осталось ни одной архиерейской панагии, наперсного креста, дикирия и трикирия, без чего совершение архиерейской службы невозможно. Просьба о возвращении названных предметов осталась неудовлетворенной¹⁵¹.

Согласно справке от 5 июля управделами Витебской губкомиссии по изъятию ценностей Антонова, для деятельности Витебской губкомиссии были получены следующие средства: из ЦК Помгола — 1 млрд рублей, из губисполкома — 500 млн рублей, из губпомгола — 800 млн рублей, всего — 2 млрд 300 млн рублей. Все эти средства были потрачены. В конце мая 1922 г. Витебская губкомиссия по изъятию ценностей запросила в ЦК Помгол при ВЦИК РСФСР 3 млрд рублей для скорейшей упаковки реквизированного имущества и отправки его в Москву. Например, 29 декабря 1922 г. губкомиссия препроводила в отдел управления Витгубисполкома 2 счета с документами настоятеля одной из церквей Витебска в израсходовании аванса на сумму 100 тыс. рублей на цели секретного характера. Иногда назначение расходов оставалось неясным: дважды безответно — 27 и 30 декабря 1922 г. — телеграфом запрашивался финансовый отчет в расходовании авансовых средств бывшего работника комиссии по изъятию ценностей Тихонова, находившегося к тому времени в Петрограде¹⁵².

8 июля на закрытом заседании Витебского губкома РКП(б) был заслушан информационный доклад Сперанского о проведенной в губернии кампании по изъятию церковных ценностей и о положении духовенства. Работа губернской комиссии по изъятию ценностей была признана удовлетворительной, поскольку количество изъятого отвечало предположениям (около 100 пудов¹⁵³); работа проведена без эксцессов; достигнут раскол духовенства; кампания сопровождалась антирелигиозной пропагандой (вскрытие мощей). Было также решено «вести энергичную работу по разложению церкви как оплота контрреволюции, никоим образом не допуская ни малейшего уклona в сторону создания так называемой советской церкви, одновременно партия должна развить кампанию усиленной антирелигиозной пропаганды, ставя целью вывести массы из каких бы то ни было религиозных пут»¹⁵⁴. 14 июля Витебская губернская комиссия по изъятию в ответ на радиотелеграмму из Москвы предоставила сведения о количестве реквизированного: золота — 1 фунт 77 золотников 67 долей; серебра — 93 пуда 26 фунтов 37 золотников

27 долей; жемчуга — 51 золотник 81 доля; бриллиант — 1 штука. Все это было отправлено в Гохран: 13 июня (42 ящика) и 14 июля (9 ящиков)¹⁵⁵. К 1 августа эти показатели не изменились, кроме сведений об изъятом серебре: 94 пуда 8 фунтов 85 золотников 27 долей. К этому времени в губкомиссию поступили ценности из Себежского и Сенненского уездов, а также из Витебска, вес которых еще не был определен¹⁵⁶.

29 июля настоятель витебской Николаевской церкви железнодорожного прихода протоиерей Антоний Хорошкевич был вынужден дать письменное объяснение председателю губернской комиссии по изъятию ценностей о причинах отсутствия в приходе учтенного в инвентарной книге серебряного креста, до 1917 г. переданного в одну из полковых церквей Варшавы, а также отсутствия иконы мч. Виктора. Выяснилось, что икона была временно передана в церковь для поддержания перед ней неугасимой лампы прихожанкой Л. Баллод в память о ее усопшем муже, потомственном почетном гражданине Витебска В. И. Баллоде. После 1917 г. из-за отсутствия в церкви постоянного сторожа, а также масла для лампы икону вернули дочери Л. Баллод¹⁵⁷. Скорее всего здесь идет речь о супруге В. Еленевского, урожденной Баллод¹⁵⁸.

31 июля состоялось заседание себежской уездной подкомиссии по изъятию ценностей, на котором присутствовал уполномоченный губернской комиссии Савин. Предварительно он совершил объезд церквей уезда, производя дополнительные изъятия и обыски в домах духовенства. В селе Кицково церковный староста сознался в том, что по распоряжению священника Тихомирова вынес из церкви и спрятал не учтенные в инвентарной описи предметы церковного имущества. В Вербиловском монастыре Савин провел тщательный обыск и обнаружил церковные вещи, золотые и серебряные деньги. Священник Яновский собрал прихожан, пожелавших присутствовать при обследовании церкви, что было воспринято как противодействие работе комиссии по изъятию ценностей. В квартире священника Капецкого под кроватью обнаружен мешок с церковными предметами, в ходе обыска изъяты незаполненные бланки с печатью ВЧК Украины. У псаломщика Христофорова обнаружена инвентарная опись с вырванными листами. Выявленные лица, препятствовавшие изъятию ценностей, привлекались к ответственности. Неожиданным оказалось поведение некоторых чиновников, представлявших советскую власть на местах: Пекаин не только выдавал справки о не подлежащих изъятию ценностях и препятствовал получению подвоз для отправки ценностей, в присутствии многих лиц он назвал Савина грабителем церквей¹⁵⁹.

На заседании губернской комиссии по изъятию ценностей 16 августа рассматривалось ходатайство церковноприходского совета витебского Свято-Троицкого Маркова монастыря об оставлении в постоянное пользование серебряного оклада почитаемой Казанской иконы Божией Матери, представляющего историческую значимость и не имеющего большой материальной ценности. Была назначена экспертиза иконы губернским отделом народного образования¹⁶⁰.

В августе 1922 г. кампанию по изъятию ценностей в Витебской губернии начали сворачивать. Лица, прикомандированные к губкомиссии, стали возвращаться на постоянные места работы, получив вознаграждение за внеурочный труд и отпуск для поправки здоровья. К 2 сентября 1922 г. количество изъятых ценностей в Витебской губернии было следующим: золота — 1 фунт 92 золотника 7 долей; серебра — 100 пудов 9 фунтов 33 золотника 75 долей; жемчуга — 51 золотник 81 доля; бриллиант — 1 штука; золотая брошь с бриллиантом — 6 золотников 45 долей; золотых николаевских монет на 780 рублей; банковского серебра на 12 рублей; разменного серебра на 4 рубля 25 копеек. 13 октября себежская уездная подкомиссия по изъятию ценностей получила указание вернуть в церкви уезда оклады икон, а оставшиеся в ее распоряжении медные священные предметы передать в распоряжение губернской комиссии¹⁶¹. На заседании президиума Витебского губисполкома 23 ноября было решено за проявленную энергию и усердие выразить благодарность ответственному секретарю губернской комиссии по оказанию помощи голодающим Поволжья Гуревичу, признать удовлетворительной деятельность этой комиссии и ликвидировать ее, учредив одновременно в прежнем кадровом составе комиссию по последствиям голода (Витгубпоследгол). 2 декабря в Витгубпоследгол были переданы по описи ценности, числившиеся на балансе Витгубкомпомгола, в их числе имущество частных лиц, советских учреждений и Губревтрибунала, от которого поступило 6 партий ценностей, в том числе имущество, изъятые по делу священника Фантина Капустинского весной 1922 г.: 4 Евангелия, крест, 2 чаши, 2 звезды, 2 дарохранильницы, 2 металлических тарелки, церковные медали, шелковое покрывало, больше 14 тыс. рублей¹⁶².

Одновременно с изъятием церковных ценностей в приходах Полоцко-Витебской епархии продолжался сбор пожертвований в пользу голодающих: в начале июля 1922 г. епархиальная комиссия передала Витгубкомпомголу 8 093 250 рублей, в ответ вместо благодарности была высказана претензия: «Больше пяти миллионов были знаками мелких купюр... впредь приемка таковых производиться не будет»¹⁶³.

29 декабря 1924 г. циркулярным распоряжением ВЦИК было предписано в течение 2 недель представить отчет о количестве изъятых в губернии ценностей. Для составления общего отчета о кампании до 15 марта 1925 г. предлагалось подробно описать процесс изъятия: сколько времени продолжалась кампания, как отнеслись к ней различные группы населения, имели ли место эксцессы и проч. Подчеркивалось, что оставшиеся на местах церковные ценности необходимо срочно отправить в Гохран. В ответ был подготовлен доклад за подписью технического секретаря Витебской губернской комиссии по изъятию ценностей Антонова, в котором приводилась окончательная статистика. В связи с изъятием ценностей было арестовано 76 человек, часть которых вскоре освободили, а другая часть во главе с духовными лицами находилась под стражей до окончания судебных действий. Отношение духовенства к изъятию в докладе названо безусловно отрицательным и враждебным: «Духовенство во главе с архиепископом Витебским и Полоцким Иннокентием

явно и тайно вело подпольную кампанию, стараясь сорвать процесс изъятия ценностей... почти открыто вело агитацию местное римско-католическое духовенство. Против этого были предприняты решительные меры борьбы... виновные были переданы в руки революционного правосудия... во время изъятия обнаруживались массовые укрывательства ценностей... виновные предавались суду ревтрибунала. Церковное дело рассматривалось ревтрибуналом 26 апреля 1922 г. и привлекло внимание всего населения Витебска». За всю кампанию в Витебской губернии было изъято: серебра — 101 пуд 9 фунтов 52 золотника 70 долей; золота — 1 фунт 93 золотника 40 долей (включая часть бриллиантов, жемчуга, алмазов и аметистов); драгоценных камней — 51 золотник 81 доля; банковского серебра на 725 рублей 25 копеек; разменной серебряной монеты — 207 рублей 55 копеек; золотой (никалаевской) монеты на 985 рублей; 75 трубок новой парчи и 16 пачек фольги. Все ценности были отправлены в Гохран¹⁶⁴.

Поскольку все дела по обвинению церковнослужителей в контрреволюционных действиях в ходе изъятия церковных ценностей передавались в отдел по отделению Церкви от государства при ВЦИК и на месте не оставалось связанных с этими событиями документов, у НКВД БССР позднее сохранялся интерес к событиям этого времени: в 1931 г., в ходе массовых репрессий против православных священнослужителей, арестованным часто задавался вопрос о событиях 1922 г. и их участниках, а ответ на него рассматривался как выявление подлинного отношения священнослужителя к советской власти. Действительно, именно в ходе изъятия церковных ценностей окончательно оформилась религиозная политика Советского государства, результатом которой должно было стать не создание советской Церкви, но полное исчезновение организованной религиозной жизни на территории СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Витебской области (далее — ГА ВО), ф. 70, оп. 1, д. 24, л. 4.
- ² Там же, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 260.
- ³ Там же, ф. 570, оп. 1, д. 57, л. 30.
- ⁴ Там же, д. 72, л. 1.
- ⁵ Там же, д. 57, л. 30а, 30а об.
- ⁶ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 754, л. 6.
- ⁷ Там же, ф. 570, оп. 1, д. 72, л. 11.
- ⁸ Там же, л. 2.
- ⁹ Там же, д. 1, л. 7, 7 об.
- ¹⁰ Там же, д. 57, л. 30а об.
- ¹¹ Там же, д. 72, л. 7.
- ¹² Там же, ф. 123, оп. 1, д. 392, л. 1–2.
- ¹³ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 1948, л. 16.
- ¹⁴ Там же, д. 753, л. 1.
- ¹⁵ Там же, д. 754, л. 1.

- ¹⁶ Там же, д. 771, л. 45.
- ¹⁷ Там же, д. 753, л. 1 об., 4.
- ¹⁸ Там же, д. 392, л. 23, 24 об.
- ¹⁹ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 24, л. 15.
- ²⁰ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 3.
- ²¹ Там же, л. 25, 29.
- ²² Там же, л. 31, 31 об.
- ²³ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 24, л. 9, 13.
- ²⁴ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 754, л. 2.
- ²⁵ Там же, д. 771, л. 5.
- ²⁶ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 16, 17, 17 об.
- ²⁷ Протоиерей Николай Фомич Околович 4 ноября 2007 г. Синодом Белорусской Православной Церкви прославлен в лике священномучеников.
- ²⁸ Там же, д. 754, л. 3–5 об.
- ²⁹ Там же, ф. 10066, оп. 1, д. 418, л. 2.
- ³⁰ Там же, л. 3.
- ³¹ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 392, л. 15, 15 об.
- ³² Там же, д. 771, л. 24.
- ³³ Там же, л. 27.
- ³⁴ Там же, л. 26.
- ³⁵ Там же, л. 43.
- ³⁶ Там же, л. 95, 95 об.
- ³⁷ Там же, л. 40, 40 об.
- ³⁸ Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Витебской области (далее — Архив Управления КГБ РБ), д. 15759–П.
- ³⁹ Документы из послеоктябрьской истории России: Послание Патриарха Тихона «Ко всем верным чадам православной Церкви». Электронный ресурс: his95.narod.ru/doc21/gc40.html.
- ⁴⁰ Архив Управления КГБ РБ, д. 15759–П.
- ⁴¹ ГА ВО, ф. 123, оп. 1, д. 756, л. 1.
- ⁴² Там же, д. 761, л. 2.
- ⁴³ Там же, д. 770, л. 5.
- ⁴⁴ Там же, д. 765, л. 2.
- ⁴⁵ Там же, д. 772, л. 7–9.
- ⁴⁶ Там же, д. 756, л. 5.
- ⁴⁷ Там же, л. 5 об., 28.
- ⁴⁸ Там же, д. 761, л. 22 об.
- ⁴⁹ Там же, д. 756, л. 23 об.
- ⁵⁰ Там же, л. 37.
- ⁵¹ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 96, 96 об.
- ⁵² Там же, л. 279, 281.
- ⁵³ Там же, д. 757, л. 2, 3.
- ⁵⁴ Там же, д. 771, л. 36–38.
- ⁵⁵ Там же, д. 757, л. 38.
- ⁵⁶ Там же, д. 771, л. 155.
- ⁵⁷ Там же, д. 757, л. 3.

- ⁵⁸ ГА ВО, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 161.
- ⁵⁹ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 24, л. 31.
- ⁶⁰ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 769, л. 5 об., 6.
- ⁶¹ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 24, л. 77.
- ⁶² Там же, ф. 123, оп. 1, д. 392, л. 15.
- ⁶³ Там же, д. 771, л. 63.
- ⁶⁴ Там же, ф. 570, оп. 1, д. 80, л. 11–13.
- ⁶⁵ Там же, д. 771, л. 111, 111 об., 40, 62.
- ⁶⁶ Там же, ф. 10050, оп. 1, д. 387, л. 4.
- ⁶⁷ Там же, ф. 332, оп. 1, д. 13, л. 171.
- ⁶⁸ Архив Управления КГБ РБ, д. 15759–II.
- ⁶⁹ ГА ВО, ф. 332, оп. 1, д. 3, л. 36, 36 об.
- ⁷⁰ Там же, д. 4, л. 52.
- ⁷¹ Там же, д. 3, л. 30.
- ⁷² Там же, д. 13, л. 171.
- ⁷³ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 69.
- ⁷⁴ Там же, л. 114, 115.
- ⁷⁵ Там же, л. 68, 68 об.
- ⁷⁶ Там же, л. 75.
- ⁷⁷ Там же, ф. 570, оп. 1, д. 80, л. 21.
- ⁷⁸ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 755, л. 11.
- ⁷⁹ Там же, л. 20.
- ⁸⁰ Там же, д. 766, л. 15.
- ⁸¹ Там же, д. 754, л. 10.
- ⁸² Там же, д. 771, л. 74, 76, 124.
- ⁸³ Там же, ф. 570, оп. 1, д. 72, л. 10.
- ⁸⁴ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 78–79, 132, 132 об., 144.
- ⁸⁵ Там же, л. 92–93.
- ⁸⁶ Там же, л. 82.
- ⁸⁷ Там же, л. 162.
- ⁸⁸ Там же, л. 109.
- ⁸⁹ Там же, л. 121.
- ⁹⁰ Там же, д. 754, л. 11.
- ⁹¹ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 2065, л. 130, 130 об.
- ⁹² Там же, ф. 123, оп. 1, д. 754, л. 11, 11 об.
- ⁹³ Там же, ф. 2289, оп. 2, д. 87, л. 56.
- ⁹⁴ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 131, 160.
- ⁹⁵ Там же, д. 762, л. 5, 5 об., 7.
- ⁹⁶ Там же, ф. 2289, оп. 2, д. 87, л. 56.
- ⁹⁷ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 754, л. 12, 12 об.
- ⁹⁸ В 1941–1943 гг., во время оккупации Витебска немцами, Пороменский возглавлял церковный отдел Витебской городской управы.
- ⁹⁹ ГА ВО, ф. 123, оп. 1, д. 754, л. 13, 13 об.
- ¹⁰⁰ Там же, д. 761, л. 31.
- ¹⁰¹ ГА ВО, ф. 123, оп. 1, д. 761, л. 33, 36, 43, 55, 73.
- ¹⁰² Там же, д. 392, л. 23.

- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же, д. 755, л. 339.
- ¹⁰⁵ Там же, ф. 10050, оп. 1, д. 462, л. 4.
- ¹⁰⁶ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 755, л. 161.
- ¹⁰⁷ Там же, л. 161 об.
- ¹⁰⁸ Там же, л. 264.
- ¹⁰⁹ Там же, л. 95.
- ¹¹⁰ Там же, д. 771, л. 198.
- ¹¹¹ Там же, ф. 570, оп. 1, д. 80, л. 24, 26.
- ¹¹² Там же, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 168.
- ¹¹³ Там же, д. 755, л. 162–163.
- ¹¹⁴ Там же, л. 342, 348.
- ¹¹⁵ Там же, ф. 2289, оп. 2, д. 87, л. 15 об.
- ¹¹⁶ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 285, 285 об.
- ¹¹⁷ Там же, л. 278, 278 об.
- ¹¹⁸ Там же, д. 755, л. 526, 517.
- ¹¹⁹ Там же, л. 120.
- ¹²⁰ Там же, л. 155.
- ¹²¹ Там же, д. 771, л. 164–165.
- ¹²² Там же, д. 754, л. 14.
- ¹²³ Там же, д. 771, л. 262.
- ¹²⁴ Там же, д. 754, л. 14.
- ¹²⁵ Там же, д. 771, л. 271.
- ¹²⁶ Там же, д. 754, л. 14, 14 об.
- ¹²⁷ Там же, д. 761, л. 127, 127 об.
- ¹²⁸ Там же, д. 754, л. 15–16.
- ¹²⁹ В 1931 г. обновленческий «архиепископ Великолукский и Невельский» так характеризовал деятельность Еленевского: «Владимир Еленевский даже играл роль секретаря церковного управления тихоновцев, пользуясь тем, что он окончил духовную семинарию и имел среди духовенства много товарищей и знакомых, он держал под своим реакционным влиянием целые благочиннические округа — Сиротинский, Городокский» (Архив Управления КГБ РБ, д. 15759–II).
- ¹³⁰ ГА ВО, ф. 200, оп. 1, д. 2015, л. 97 об., 108, 113, 103
- ¹³¹ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 754, л. 17.
- ¹³² Там же, д. 761, л. 92–93.
- ¹³³ Там же, д. 771, л. 363–364.
- ¹³⁴ Там же, д. 761, л. 119.
- ¹³⁵ Там же, д. 771, л. 291.
- ¹³⁶ Там же, ф. 570, оп. 1, д. 57, л. 46 об.
- ¹³⁷ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 754, л. 18.
- ¹³⁸ Там же, д. 771, л. 290.
- ¹³⁹ Там же, д. 755, л. 340, 342, 348, 405 об., 406, 418.
- ¹⁴⁰ Там же, д. 761, л. 108.
- ¹⁴¹ Там же, д. 754, л. 19, 19 об.
- ¹⁴² Там же, д. 761, л. 96–98, 101, 102, 159.
- ¹⁴³ Там же, д. 755, л. 302, 328.

- ¹⁴⁴ ГА ВО, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 250, 250 об.
¹⁴⁵ Там же, ф. 10050, оп. 1, д. 396, л. 186.
¹⁴⁶ Там же, д. 176, л. 34 об.
¹⁴⁷ Там же, д. 396, л. 184, 185.
¹⁴⁸ Там же, ф. 10066, оп. 1, д. 418, л. 48, 55.
¹⁴⁹ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 754, л. 20.
¹⁵⁰ Там же, д. 771, л. 325, 327, 339, 339 об.
¹⁵¹ Там же, д. 761, л. 155.
¹⁵² Там же, д. 771, л. 165, 369, 454, 456, 461.
¹⁵³ Там же, ф. 10050, оп. 1, д. 387, л. 8.
¹⁵⁴ Там же, д. 372, л. 32.
¹⁵⁵ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 351, 351 об.
¹⁵⁶ Там же, л. 389.
¹⁵⁷ Там же, д. 761, л. 145, 145 об.
¹⁵⁸ Там же, ф. 204, оп. 2, д. 523, л. 6, 6 об.
¹⁵⁹ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 755, л. 483, 483 об.
¹⁶⁰ Там же, д. 754, л. 21.
¹⁶¹ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 394, 395, 422, 443.
¹⁶² Там же, ф. 570, оп. 2, д. 6, л. 4, 28, 28 об.
¹⁶³ Там же, оп. 1, д. 72, л. 18, 19.
¹⁶⁴ Там же, ф. 123, оп. 1, д. 771, л. 500–503 об.